

В. РОЗАНОВ

УЕДИНЕННОЕ

УЕДИНЕННОЕ

В. Розанова.

Почти на правь рукописи.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

ПЕТРОГРАДЪ
1916

Петроградъ, дозволено военной цензурой 8 февраля 1916 г.

Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“. Зртелевъ, 13

Шумить вѣтеръ въ полночь и несетъ листы... Такъ и жизнь въ быстротечномъ времени срываетъ съ души нашей восклицанія, вздохи, полу-мысли, полу-чувства... Которыя, будучи звуковыми обрывками, имѣютъ ту значительность, что «сошли» прямо съ души, безъ переработки, безъ цѣли, безъ преднамѣренья, — безъ всего посторонняго... Просто, — «душа живетъ»... т. е. «жила», «дохнула»... Съ давняго времени мнѣ эти «нечаянныя восклицанія» почему-то нравились. Собственно, они текутъ въ насъ непрерывно, но ихъ не успѣваешь (нѣтъ бумаги подъ рукой) заносить, — и они умираютъ. Потомъ ни за что не припомнишь. Однако кое-что я успѣвалъ заносить на бумагу. Записанное все накапливалось. И вотъ я рѣшилъ эти опавшіе листы собрать.

Зачѣмъ? Кому нужно?

Просто — мнѣ нужно. Ахъ, добрый читатель, я уже давно пишу «безъ читателя», — просто потому что *нравится*. Какъ «безъ читателя» и

издаю... Просто, такъ нравится. И не буду ни плакать, ни сердиться, если читатель, ошибкой купившій книгу, бросить ее въ корзину (выгоднѣе, не разрѣвая и ознакомившись, лишь отогнувъ листы, продать со скидкой 50⁰/₀ букинисту).

Ну, читатель, не церемонюсь я съ тобой, — можешь и ты не церемониться со мной:

— Къ чорту...

— Къ чорту!

И au revoir до встрѣчи на томъ свѣтѣ. Съ читателемъ гораздо скучнѣе, чѣмъ одному. Онъ разинетъ ротъ и ждетъ, что ты ему положишь? Въ такомъ случаѣ онъ имѣетъ видъ осла передъ тѣмъ, какъ ему заревѣть. Зрѣлице не изъ прекрасныхъ... Ну его къ Богу... Пишу для какихъ-то «невѣдомыхъ друзей» и хоть «ни для кому»...

Когда бывало меня посѣщали декаденты, — то, часу въ первомъ ночи я выпускалъ ихъ, бесплодныхъ, впередъ, — но задерживалъ послѣдняго, добраго Виктора Петровича Протейкинскаго (учитель съ фантазіями) и показывалъ между дверями...

У человѣка двѣ ноги: и если снять калоши положимъ, пятерымъ — то кажется ужасно много. Между дверями стояло такое множество крошечныхъ калошекъ, что я самъ дивился. Нельзя было сосчитать скоро. И мы оба съ Протейкинскимъ покатывались со смѣху:.

— Сколько!..

— Сколько!..

Я же всегда думалъ съ гордостью: «*civis romanus sum*». У меня за столъ садится 10 человѣкъ, — съ прислугой. И всѣ кормятся моимъ трудомъ. Всѣ около моего труда *нашли мѣсто въ мірѣ*. И вовсе *civis rossicus* — не «Герценъ», а «Розановъ».

Герценъ же только «гуляль»...

Передъ Протейкинскимъ у меня есть глубокая и многолѣтняя вина. Онъ безукоризненно отно-

сился ко мнѣ, я же о немъ, хотя только отъ утомленія, сказалъ однажды грубое и насмѣшливое слово. И отъ того, что онъ «никогда не можетъ кончить рѣчь» (способъ рѣчи), а я былъ усталъ и не въ силахъ былъ дослушивать его... И грубое слово я сказалъ *заочно*, когда онъ вышелъ за дверь.

Изъ безвѣстности приходятъ наши мысли и уходятъ въ безвѣстность.

Первое: какъ ни сядешь, чтобы *написать то-то*, — сядешь и напишешь *совсѣмъ другое*.

Между «я хочу сѣсть» и «я сѣлъ» — прошла одна минута. *Откуда-же* эти совсѣмъ другія мысли, на *новую тему*, чѣмъ съ какими я ходилъ по комнатѣ, и даже *садился*, чтобы *ихъ именно* записать...

Сѣвъ задомъ на ворохъ корректуръ и рукописей и «писемъ въ редакцію», М. заснулъ:

И снится ей долина Дагестана:
Лежалъ съ свинцомъ въ груди...

Сонъ нашего редактора менѣе унылъ: ему грезятся ножки хорошенькой актрисы В—ской, которая на всѣ его упрашиванія отвѣчаетъ:

Но я другому отдана,
И буду вѣкъ ему вѣрна.

Вопросъ вертится, во снѣ, около того, какъ-же преодолѣть эту «Татьянину вѣрность», при которой куда-же дѣваться редакторамъ, авіаторамъ, морякамъ и прочимъ людямъ, не напрасно «копящимъ небо»?

Открываю дверь въ другой кабинетъ... Роскошно отдѣланъ; вѣрно, генерала М. Въ креслѣ, обшитомъ чудною кожей темнаго цвѣта, сидитъ Боря. Сидитъ безъ сюртука, въ галстухъ и жилетъ. Потъ такъ и катится... Вспоминаетъ, какъ пѣла «Варя Панина» и какъ танцевала Аянушка. Передъ нимъ длинная полоса набора.

— Ты, Боря, что это читаешь?

— «Внутреннюю корреспонденцію».

— Чего же ты размышляешь? «Одобри» все сразу.

— Нельзя. Въ номеръ не влѣзетъ.

— Такъ пошли ее къ матери...

— Тоже нельзя. Читатель разсердится.

— Трудно дѣло редакторское. Съ кѣмъ же мнѣ отпраляться?..

(въ нашей редакціи).

Какъ будто этотъ проклятый Гуттенбергъ облизалъ своимъ мѣднымъ языкомъ всѣхъ писателей, и они всѣ обездушились «въ печати», потеряли лицо, характеръ. Мое «я» только въ рукописяхъ, да «я» и всякаго писателя. Должно быть по этой причинѣ я питаю суевѣрный страхъ рвать письма, тетради (даже дѣтскія), рукописи, — и ничего не рву; сохранилъ, до единого, всѣ письма товарищей-гимназистовъ; съ жалостью, за величиной вороха, рву только свое, — съ болью и лишь иногда.

(вatom).

Газеты, я думаю, такъ же пройдутъ, какъ и «вѣчныя войны» Среднихъ Вѣковъ, какъ и «турнюры» женщинъ и т. д. Ихъ пока поддерживаетъ «всеобщее обученіе», которое собираются сдѣлать даже «обязательнымъ». Такому съ «обязательнымъ обученіемъ» конечно интересно прочесть что-нибудь «изъ Испаніи».

Начнется, я думаю, съ *отсычки* отъ газетъ... Потомъ станутъ считать просто неприличіемъ, малодушіемъ («*ragva anima*») чтеніе газетъ.

— Вы чѣмъ живете? — А вотъ тѣмъ, что говоритъ «Голосъ Правды» (выдумали-же!)... или «Окончательная Истина» (завтра выдумаютъ).—Услышавшій будетъ улыбаться, и вотъ эти улыбки мало-по-малу проводятъ ихъ въ могилу.

Если ужъ читать, то, по моему мнѣнію, только «Колоколъ», — какъ Василій Михайловичъ, подражая Герцену, выдумалъ издавать свой органъ.

Этотъ Василій Михайловичъ во всемъ красоченъ. Дома (я слышалъ) у него сдѣлано распоряженіе, что если дѣти, вернувшись изъ гимназіи, спросятъ: — «Гдѣ папа», — то прислуга не должна отвѣчать: «барина нѣтъ дома», а «генерала нѣтъ дома». Это, я вамъ скажу, если на Страшномъ судѣ Христовомъ вспомнишь, то разсмѣешься.

Василія Михайловича я всегда почему-то любилъ. Защищалъ его передъ Толстымъ. И что поразительно: онъ простъ, и *со встѣми простъ*, не чванливъ, не гордъ, и вообще имѣетъ «христіанскія заслуги».

Неразрѣшимъ одинъ вопросъ, т. е. у него въ головѣ: какой-же земной чинъ носятъ ангелы? Ибо онъ не можетъ себѣ представить ни одного существа безъ чина. Это какъ Пифагоръ говорилъ: «нѣтъ ничего безъ своего числа». А у В. М. — «безъ своего чина», безъ положенія въ какой-нибудь іерархіи.

Теперь еще: — этот «генераль» ему доставляет столько безкорыстнаго удовольствія. Россіи же ничего не стоит. Да я бы изъ-за одного В. М. не дозволилъ отмѣнить чиновъ. Кому они приносятъ вредъ? А штафирокъ довольно, и, вѣдь, никому не запрещено ходить съ «адвокатскимъ значкомъ». Почему это тоже не «чинъ» и не «орденъ»? «Заслужено» и «соціальный рангъ». Позвольте же Василию Михайловичу имѣть тотъ, какой онъ желаетъ. Что за деспотизмъ.

Иногда думаютъ, что Василій Михайловичъ «карьеристъ». Ни на одну капельку. Чинъ, службу и должность онъ любитъ какъ *неотдѣлимое души своей*. О немъ глубоко сказалъ одинъ мудрый человѣкъ, что, «размышляя о томъ, *что такое русскій человѣкъ*, всегда нужно принять во вниманіе *и* Василя Михайловича». Т. е. русскій человѣкъ конечно — *не только* «Скворцовъ», но онъ *между прочимъ* — *и* «Скворцовъ».

(за нумизматикой)

«Конецъ вѣнчаетъ дѣло»... показываетъ его *силу*; Боже, неужели договорить: «и показываетъ его *правду*»?.. Что же стало съ «русской реформацией»?!! Одинъ купилъ яхту, другой ушелъ

въ нумизматику, третій «разлетается по за-
границамъ»... Епископы поспѣшили къ мѣстамъ
служенія, и, слышно, вмѣсто былой «благодати»,
ссылаются на послѣдній циркуляръ минис-
терства внутреннихъ дѣлъ. Боже, что же это
такое? Кое-кто ушелъ въ сектанство, но присы-
лаетъ потихоньку статьи и въ «Нов. Вр.», не
расходясь отнюдь съ редакціей въ *остромъ*
церковно-писательскомъ вопросѣ (по поводу смерти
Толстого). Что же это такое? Что же это такое?

Казнить?

Или сказать съ Тургеневымъ: — «Такъ кон-
чается все русское»...

(за нумизматикой, 1910 г.)

Посмотришь на русскаго человѣка острымъ
глазкомъ... Посмотришь онъ на тебя острымъ
глазкомъ...

И все понятно.

И не надо никакихъ словъ.

Вотъ чего нельзя съ иностранцемъ.

(на улицѣ)

Стоять два народа сосѣдніе и такъ и пылають гнѣвомъ:

— Ты чему поклоняешься, болванъ??! — *Кумиру*, содѣянному руками человѣческими, изъ мѣди и дерева, какъ глаголетъ пророкъ (имъ рекъ) въ Писаніи. Я-же поклоняюсь пречистымъ *иконамъ*, болванъ и нехристь...

Стоить «нехристь» и хлопаетъ глазами, ничего не понимая. Но напоследокъ испугался, снялъ шапку, и со всемордовскимъ усердіемъ зѣмно поклонился передъ Пречистымъ Образомъ и затеплилъ свѣчку.

Иловайскій написалъ новую главу въ достопамятную свою исторію: «Обращеніе въ христіанство мордвы», «вотяковъ», «пермяковъ».

Племянникъ (пріѣхалъ изъ «Шихранъ», Казанской губ.) рассказывалъ за чаемъ: «Въ день празднованія вотяцкаго бога (кажется, Кереметь), коего кукла стоитъ на колокольнѣ въ сельской церкви, всѣ служители низшіе, дьячокъ, пономарь, сторожъ церковный, запираются подъ замокъ въ особую клѣть, и сидятъ тамъ весь день... И сколько имъ денегъ туда (въ клѣть) вотяки накидаютъ!!! Пока они тамъ заперты, вотяки празднуютъ передъ своимъ богомъ...» Это — день «отданья язычеству», какъ у насъ

есть «отданье Пасхи». Вотяки награждают низшихъ церковнослужителей, а отчасти и со страхомъ имъ платять, за то, что они уступаютъ одинъ день въ году ихъ «старинкѣ»... Въ «клѣти» православные сидятъ какъ-бы «въ плѣну», въ узилицѣ, въ тюрьмѣ, даже (по ихнему) «въ аду», пока ихъ старый «богъ» (а по-нашему «чортъ») выходитъ изъ христіанскаго «узилица», чтобы попраздновать со своимъ народцемъ, съ былыми своими «поклонниками». Замѣчательный обычай, сохранившійся до нашего 1911-го года.

Наша литература началась съ сатиры (Кантеміръ), и затѣмъ весь XVIII вѣкъ былъ довольно сатириченъ.

Половина XIX-го вѣка была патетична.

И затѣмъ, съ 60-хъ годовъ, сатира опять первенствовала.

Но никогда не была такъ исключительна, какъ въ XVIII.

Новиковъ, Радищевъ, Фонвизинъ, затѣмъ черезъ $\frac{1}{2}$ вѣка Щедринъ и Некрасовъ, имѣли такой успѣхъ, какого никогда не имѣлъ даже Пушкинъ. Въ пору моихъ гимназическихъ лѣтъ о Пушкинѣ даже не вспоминали,—не то, чтобы его читать. Некрасовымъ же зачитывались до

одурѣнія, знали каждую его строчку, ловили каждый стихъ. Я имѣлъ какой-то безотчетный вкусъ не читать Щедрина, и до сихъ поръ не прочиталъ ни одной его «вещи». «Губернскіе очерки» — я даже самой статьи не видѣлъ, изъ «Исторіи одного города» прочелъ первыя 3 страницы и бросилъ съ отвращеніемъ. Мой братъ Коля (учитель исторіи въ гимназіи, человекъ *положительныхъ идеаловъ*) — однако, зачитывался имъ и любилъ читать вслухъ женѣ своей. И вотъ, проходя, я слыхалъ: «Глумовъ же сказалъ»,... «Балалайкины отвѣчалъ»: и отсюда я знаю, что это — персонажи Щедрина. Но меня никогда не тянуло ни дослушать, что же *договорилъ* Глумовъ, ни самому заглянуть. Думаю, что этимъ я много спасъ въ душѣ своей.

Этотъ ругающійся вице-губернаторъ — отвратительное явленіе. И нужно было родиться всему безвкусію нашего общества, чтобы вынести его.

Позволю себѣ немного поинквизиторствовать: вѣдь не пошелъ же *юноша*-Щедринъ по судебному вѣдомству, въ мировые посредники, не пошелъ въ учителя гимназіи, а, какъ Чичиковъ или Собакевичъ, выбралъ себѣ «стулъ, который не проваливается» — министерство внутреннихъ дѣлъ. И дослужился, т. е. его все «повышали», до вице-губернатора: должность не маленькая. Потомъ въ чемъ-то «разошелся съ начальствомъ», едва ли «ратуя за старообрядцевъ» или

«защищая молодыхъ студентовъ», и его выгнали. «Обыкновенная исторія»...

Онъ сдѣлался знаменитымъ писателемъ. Дружбы его искалъ уже Лорисъ-Меликовъ, губернаторы же были ему «ни почемъ».

Какая разница съ судьбой Достоевскаго.

(за музикаматикой).

Съ бороденочкой, съ мужнымъ дѣвичьимъ лицомъ, А. П. У—скій копался около рясъ, что-то тыкая и куда-то не попадая.

— Вамъ булавокъ? Что вы дѣлаете?

— Нѣ надо. Съ собой взялъ. А прикрѣпляю я медаль съ портретомъ Александра III, чтобы идти къ митрополиту. И орденъ.

Наконецъ, вотъ онъ: и крестъ, и портретъ Царя на немъ. Стоитъ, улыбается, совсѣмъ дѣвушка.

Какъ я люблю его, и непрерывно люблю, этого мудрѣйшаго священника нашихъ дней,—со словомъ твердымъ, желѣзнымъ, съ мыслью прямой и ясной. Вотъ бы кому писать «катехизисъ».

И сколько вѣковъ ему бытія,—онъ весь «нашъ», «русскій попъ».

И вмѣстѣ онъ изъ пророческаго рода, весь апокалипсиченъ. Вполнѣ удивительное явленіе.

Хочу, чтобы послѣ моей смерти его письма ко мнѣ (которыя храню до единого) были напечатаны. Тогда увидятъ, какой это былъ правоты и чести человѣкъ. Я благодарю Бога, что онъ послалъ мнѣ дружбу съ нимъ.

(за мужикатикомъ; А. П. Устьянскій).

Сажусь до редакціи. Былъ въ хорошемъ настроеніи.

— Сколько?

— Тридцать пять копѣекъ.

— Ну, будетъ тридцать.

Сѣлъ и, тронувъ за спину, говорю:

— Какъ же это можно? Какой ты капиталъ запросилъ?

Везетъ и все смѣется, покачивая головой. Мальчишка, — однако лѣтъ восемнадцати. Оглядывается, лицо все въ улыбки:

— Какъ же, баринъ, вы говорите, что я запросилъ «капиталъ»? Какой же это «капиталъ»... тридцать пять копѣекъ?!

Мотаешь головой и все не можешь опомниться.

— Ты еще молодъ, а я потрудился. Тридцать пять копѣекъ—большой капиталъ, если самому заработать. Другой за тридцать пять копѣекъ весь день бьется.

— Оно положимъ такъ, сдѣлался онъ серьезнымъ. И дотронулся до кнута.—«Но!»

Лошаденка бѣжала.

(на улицѣ).

Нина Руднева (родств.), дѣвочка лѣтъ 17, сказала въ отвѣтъ на *мужское, мужественное, крѣпкое* во мнѣ:

— Въ васъ *мужского* только... *брюки*...

Она оборвала рѣчь...

Т. е. *кромѣ одежды* — неужели все *женское*? Но я никогда не нравился женщинамъ (кромѣ «друга») — и это даетъ объясненіе антипатіи ко мнѣ женщинъ, которою я всегда (съ гимназическихъ поръ) столько мучился.

Живи каждый день такъ, какъ бы ты жилъ всю жизнь именно для этого дня.

(съ дверлязъ, возвращаясь домой)

Секретъ писательства заключается въ вѣчной и *невольной* музыкѣ въ душѣ. Если ея нѣтъ, человекъ можетъ только «сдѣлать изъ себя писателя». Но онъ не писатель...

.....
 Что-то течетъ въ душѣ. Вѣчно. Постоянно. Что? почему? Кто знаетъ?—меньше всего авторъ.

(за нумизматикой)

Такихъ, какъ эти двѣ строки Некрасова:

Вду ли ночью по улицѣ темной,—
 Другъ одинокій!..

нѣтъ еще во *всей русской литературѣ*. Толстой, сказавшій о немъ, что «онъ *нисколько* не былъ поэтъ», не только обнаружилъ мало «христіанскаго смиренія», но не обнаружилъ безпристрастія и простаго мирового судьи. Стихи какъ

Домъ не телѣжка у дядюшки Якова

народнѣе, чѣмъ все, что написалъ Толстой. И вообще у Некрасова есть страницъ десять стиховъ *до того народныхъ*, какъ этого не удавалось ни одному изъ нашихъ поэтовъ и прозаиковъ.

Вотъ эти приблизительно $\frac{2}{10}$ его стихотвореній суть *отънынѣ* въ нашу литературу и *никогда не умрутъ*.

Значеніе его, конечно, было чрезвычайно преувеличено («выше Пушкина»). Но и о немъ нужно поставить свое *nota-bene*: онъ былъ «властителемъ думъ» поколѣнія чрезвычайно дѣятельнаго, энергичнаго и *чистосердечнаго*. Не худшаго изъ русскихъ поколѣній; — и это есть *историческій фактъ*, котораго никакою слѣпотою не обойдешь. «Худъ или хорошъ Катилина — а его нужно упомянуть», и упомянетъ всякій «Иловайскій», тогда какъ «Иловайскаго» никто не упомянетъ. Это — одно. Но и затѣмъ вотъ эти $\frac{2}{10}$ стиховъ: они — народны, просты, естественны, *силны*. «Муза мести и печали» все-таки сильна; а гдѣ сила, страсть — тамъ и *поэзія*. Его «Власу» никакой безумецъ не откажетъ въ поэзіи. Его «Огородникъ», «Ямщикъ», «Забывшая деревня» прелестны, удивительны, и были новы *по тону* въ русской литературѣ. Вообще Некрасовъ содалъ *новый тонъ* стиха, *новый тонъ чувства*, новый тонъ и звукъ *дѣвора*. И въ немъ удивительно много великорусскаго: та-кимъ «говоромъ», немножко хитрымъ и нахаль-

нымъ, подмигивающимъ и уклончивымъ, не говорятъ *настырно* ни въ Пензенской, ни въ Рязанской губерніяхъ, а только на волжскихъ пристаняхъ и базарахъ. И вотъ эту мѣстную черту онъ ввелъ въ литературу и даже въ стихосложеніе, сдѣлавъ и въ немъ огромный и смѣлый новый шагъ, на-время, *на одно поколѣніе* очаровавшій всѣхъ и увлекшій.

(за нумизматикой).

Боль жизни гораздо могущественнѣе *интереса къ жизни*. Вотъ отчего религія всегда будетъ одолевать *философію*.

(за нумизматикой).

Говорятъ, слава «желаема». Можетъ быть, въ молодомъ возрастѣ. Но въ старомъ и даже пожиломъ ничего нѣтъ отвратительнѣе и несноснѣе ея. Не «скучнѣе», а именно болѣзнетворнѣе.

Наполеонъ «славолюбивый» вѣдь въ сущности умеръ почти молодымъ, лѣтъ 40.

Какъ мнѣ нравится Побѣдоносцевъ, который на слова: «это вызоветъ дурные толки въ об-

ществѣ», остановился и—не плюнулъ, а какъ-то выпустилъ слюну на полъ, растеръ, и, ничего не сказавъ, пошелъ дальше. (Разсказъ, негодующій,—о немъ свящ. Петрова).

(за нулизматикой).

Въ мысль проституціи, — «противъ которой всѣ безсильны бороться», — безспорно входитъ: «я принадлежу *всѣмъ*»: т. е. то, что входитъ въ мысль писателя, оратора, адвоката; — чиновника «къ услугамъ государства». Такимъ образомъ, съ одной стороны, проституція есть «самое социальное явленіе», до извѣстной степени прототипъ *соціальности*, — и даже можно сказать, что *rei publicae natae sunt ex feminis publicis*, «первыя государства родились изъ инстинкта женщинъ проституировать»... По крайней мѣрѣ, это не хуже того, что «Римъ возвеличился отъ того, что по близости текла рѣка Тибръ» (Момсенъ) или «Москва — отъ географическихъ особенностей Москвы-рѣки». А, съ другой стороны, вѣдь и *дѣйствительно* въ существо актера, писателя, адвоката, даже «патера, который *всѣхъ* отпѣваетъ», — входитъ психологія проститутки, т. е. этого и равнодушія ко «всѣмъ», и ласковости со «всѣми». — «Вамъ похороны или свадь-

бу?», спрашиваетъ вошедшаго попъ, съ равно спокойной, неопредѣленной улыбкой, готовой перейти въ «поздравленіе» или «сожалѣніе». Ученый, насколько онъ *публикуется*, писатель, насколько онъ *печатается* — суть, конечно, проституты. Профессора всеконечно и только *prostitués récheurs*. Но отсюда не вытекаетъ-ли, что «съ проституціей нельзя справиться» какъ и съ государственностью, печатью, etc., etc!.. И съ другой стороны, не вытекаетъ-ли: «имъ надо все простить» и... «надо ихъ оставить». Проституцію, повидимому «такую понятную» — на самомъ дѣлѣ невозможно объять умомъ по обширности мотивовъ и существа. Что она *народные* и *метафизичные* напр. «ординарной профессуры» — и говорить нечего... «Орд. профессура» — легкій воробышекъ, а проституція... чортъ ее знаетъ, можетъ быть даже «вѣщая птица Гамаюнъ».

Въ сущности, вполне метафизично: «самое *интимное* — отдаю *всѣмъ*»... Чортъ знаетъ что такое: можно и убить отъ негодованія, а можно... и безконечно задуматься. — «Какъ вамъ будетъ угодно», — говоря заглавіемъ Шекспировской пьесы.

(за музыкалкой).

На ципочкахъ, съ довольнымъ лицомъ, подходилъ къ намъ Шварцъ или Шмидтъ, и проговорилъ съ акцентомъ:

— Сегодня будутъ *мозги*.

Это въ разрѣженіе вѣчнаго «крылышка гуся», т. е. кости, обтянуто-щереховатою кожею, которую мы обгладывали

безъ божества, безъ вдохновенья.

И смѣялись мы за обѣдомъ съ Константиномъ Васильевичемъ (Вознесенскимъ) этимъ «мозгамъ». Кухмистеръ радовался, что давалъ намъ нѣчто элегантное.

Нѣмцу—утѣшеніе, но намъ, студентамъ, скорбь. Ну, мозги съѣли. Но разъ у него я чуть не отравился кускомъ говядины (въ щахъ), очевидно—гнилымъ. Едва проглотилъ, со мной что-то необыкновенное сдѣлалось: точно съѣлъ жабу. И весь день, чуть-ли не два. былъ полуболенъ.

(въ универс.)

Какая ложная, притворная жизнь Р.; какая ложная, притворная, невыносимая вся его лич-

ность. А гений. Не говорю о боли: но какъ физически почти невыносимо видѣть это сочетаніе генія и уродства.

Тяжело ли ему? Я не замѣчалъ. Онъ кажется вѣчно счастливымъ. Но какъ тяжело должно быть у него на душѣ.

Около него эта толстая красивая женщина, его поглотившая—какъ китъ Іону: властолюбивая, честолюбивая и въ то же время восторженно-слащавая. Оба они погружены въ демократію, и—только и мечтаютъ о томъ, какъ бы получить заказъ отъ двора. Точнѣе, демократія ихъ происходитъ отъ того, что они давно не получаютъ заказовъ отъ двора (нѣсколько строкъ въ ея мемуарахъ).

И между тѣмъ онъ гений въ сравненіи съ другими до него бывшими и современными.

Какъ это печально и *страшно*. Вѣрно я многого не понимаю, такъ какъ это мнѣ кажется *страшнымъ*. Какая-то «воронка въ глубь ада»...

(на оборотъ транспаранта).

Малую травку родить—труднѣе, чѣмъ разрушить каменный домъ.

Изъ «сердца горестныхъ замѣтъ»: за много лѣтъ литературной дѣятельности я замѣчалъ, видѣлъ, наблюдалъ изъ приходо-расходной книжки (по изданіямъ), по «отзывамъ печати», что едва напишешь чтонибудь насмѣшливое, злое, разрушающее, убивающее, — какъ всѣ люди жадно хватаются за книгу, статью. — «И пошлѣ и пошлѣ»... Но съ какою бы любовью, отъ какого бы чистаго сердца вы ни написали книгу или статью съ *положительнымъ содержаніемъ*, — это лежитъ мертво, и никто не дастъ себѣ труда даже развернуть статью, разрѣзать брошюру, книгу.

— «Не хочется» — *здѣсь*; «скучно, надоѣло».

— Да чтѣ «надоѣло»-то? Вѣдь вы не читали?

— «Все равно — надоѣло. Заранѣе знаемъ»...

— «Бѣжимъ. Ловимъ. Благодаримъ» — *тамъ*.

— Да за чтѣ «благодарите»-то? Вѣдь *пало* и *задавило*, или *падетъ* и *задавитъ*?

— «Все равно... Весело. Веселѣе жить». Любятъ люди пожаръ. — Любятъ циркъ. Охоту. Даже когда кто-нибудь *тонетъ* — въ сущности любятъ смотрѣть: сбѣгаются.

Вотъ въ чемъ дѣло.

И литература сдѣлалась мнѣ противна.

(за нумизматикой).

Конечно, *не использовать* такую кипучую энергію, какъ у Чернышевскаго, для государственнаго строительства—было преступленіемъ, граничащимъ со злодѣяніемъ. Къ Чернышевскому я всегда прикидывалъ не тѣ мѣрки: *мыслителя, писателя...*, даже *политика*. Тутъ вездѣ онъ ничего *особеннаго* собою не представляетъ, а иногда представляетъ смѣшное и претенціозное. Не въ этомъ дѣло: но въ томъ, что съ самого Петра (I-го) мы не наблюдаемъ еще натуры, у которой каждый часъ-бы *дышалъ*, каждая минута *жила*, и каждый шагъ обвѣянь «заботой объ отечествѣ». Всѣ его «иностранныя книжки»—были чепуха; реформа «Политической экономіи» Милля—кропанье храбраго семинариста. Всю эту галиматью ему *можно* было и *слѣдовало* простить: и воспользоваться не головой, а *крыльями* и *ногами*, которыя были вполнѣ удивительны, не въ уровень ни съ какими; или, точнѣе: такими «ногами» обладалъ еще только кипучій, не умѣвшій остановиться Петръ. Какимъ образомъ нашъ вялый, безжизненный, не знающій, *гдѣ* найти «энергіи» и «работниковъ», государственный механизмъ не воспользовался этой «паровой машиной» или вѣрнѣе «электрическимъ двигателемъ»—непостижимо. Что такое

всѣ Аксаковы, Ю. Самаринъ и Хомяковъ, или «знаменитый» Мордвиновъ противъ него какъ *дѣятеля*, т. е. какъ *возможнаго дѣятеля*, который зарытъ былъ гдѣ-то въ снѣгахъ Виллюйска? Но тутъ мы должны пенять и на него: какимъ образомъ, чувствуя *въ груди такой запасъ энергии*, было, въ цѣляхъ *прорваться къ дѣлу*, не расцѣловать ручки всѣмъ генераламъ, и, вообще, цѣловать «кого угодно *въ плечико*» — лишь бы дали помочь народу, подпустили къ народу, дали-бы «департаментъ». Показавъ хорошую «трехъ-хвостку» его коммунальнымъ и социаль-демократическимъ идеямъ, благословивъ *лично* его жить хоть съ полсотнею курсистокъ и даже подавиться самою Цебриковой, — я бы тѣмъ не менѣе какъ *лицо* и *энергію* поставилъ его не только во главѣ министерства, но во главѣ системы министерствъ, давъ роль Сперанскаго и «незыблемость» Аракчеева... Такія *лица* рождаются вѣками; и бросить его въ снѣгъ и глушь, въ ели и болото... это... это... чортъ знаетъ что такое. Уже читая его *слогъ* (я читалъ о Лессингѣ, т. е. начало), прямо чувствуешь: никогда не устанетъ, никогда не утомится, мыслей — чуть-чуть, пожеланій — пукъ молній. Именно «перуны» въ душѣ. Теперь (переписка съ женой и отношенія къ Добролюбову) все это объяснилось: онъ былъ духовный, спиритуалистическій «с», ну — а такіе орлы крыльевъ не складываютъ, а летятъ и летятъ, до убоя, до смерти

или побѣды. Не знаю его опытность, да это и не важно. Въ сущности, онъ былъ какъ *государственный дѣятель* (общественно-государственный) выше и Сперанскаго, и кого-либо изъ «екатерининскихъ орловъ», и бравурнаго Пестеля, и нелѣпаго Бакунина, и тщеславнаго Герцена. Онъ былъ дѣйствительно solo. Нелѣпое положеніе полного *практическаго безсилія* выбросило его въ литературу, публицистику, философствующіе оттѣнки, и даже въ беллетристику: гдѣ, не имѣя никакого *собственно къ этому призванія* (тишина, созерцательность), онъ переломалъ всѣ стулья, разбилъ столы, испачкалъ жилия удобныя комнаты, и, вообще, совершилъ «нигилизмъ» — и ничего иного совершить не могъ... Это — Дизраэли, котораго такъ и не допустили-бы пойти дальше «романиста», или Бисмаркъ, котораго за дуэли со студентами обрели-бы на всю жизнь «драться на рапирахъ» и «запретили куда-нибудь принимать на службу». Чортъ знаетъ что: рокъ, судьба, и не столько *его*, сколько *Россіи*.

Но и онъ же: не сумѣлъ «сжать въ кулакъ» своего нигилизма и семинарщины. Для народа. Для безкоровныхъ, безлошадныхъ мужиковъ.

Поразительно: вѣдь это — прямой путь до Цусимы. Еще поразительнѣе, что съ выходомъ его *въ практику* — мы не имѣли-бы и *теоретическаго нигилизма*. Въ одной этой дѣйствительно замѣчательной біографіи мы подошли къ Древу

Жизни: но — взяли да и срубили его. Срубили, «чтобы ободрать на лапти» Обломову...

(за нумизматикой).

Пёшехонка—последняя значущая фигура въ с.-д. Однако, значучесть эта заключается единственно въ *чистотѣ* его. Это—«рыцарь бѣдный», о какомъ говоритъ Пушкинъ, когда-то пылкой и потомъ только длинной борьбы, гдѣ были гиганты, между прочимъ и по уму: тогда какъ у П. какой умъ? «Столоначальникъ», а не министръ. Конечно, это не отнимаетъ у него всѣхъ качествъ человѣка. Замѣчательно, что, разъ его увидѣвъ (въ Калашниковской биржѣ), неудержимо влечешься къ нему, зная, что никакого интереснаго разговора не выйдетъ (къ Мякотину, Петрищеву, Короленкѣ—никакого влеченія и интереса). Въ немъ доброе — натура, удивительно рожденная. Безъ мути въ себѣ. На мѣстѣ Ц... я бы его поставилъ во главѣ интендантства... «Пиши, писарь, — тебѣ не водить полки. Но ты не украдешь и не дашь никому украсть». И ради «службы и должности» смежилъ бы глаза на всякую его с.-д. «Чортъ съ ней». «Этотъ хорошій министръ у меня съ дурью».

Я бы (испоротивъ плутовъ) и всѣмъ с.-д. далъ «ходъ», смотря на ихъ «убѣжденія», какъ на временное умопомѣшательство, которое надо перенести, какъ въ семьяхъ переносятъ «дѣтскую корь». «Чортъ съ ней». Судьба, Карма всероссійской державы. Не знаю, куда бы назначить Мякотина. Начальникомъ всѣхъ кузницъ въ Россіи. Во всякомъ случаѣ—въ конницу. О Петрищевѣ не имѣю представленія, кромѣ того, что подзуживаетъ несчастныхъ курсистокъ къ забастовкамъ, въ чемъ совпадаетъ съ Зубатовымъ. Вѣроятно, дурачокъ—изъ «честныхъ», но умъ совершенно незначительный. Замѣчательно симпатиченъ—однако Иванчинъ-Писаревъ (видѣлъ разъ), и при немъ какая-то дама, тоже симпатичная, умная и дѣятельная. Я бы имъ устроилъ «черту осѣдлости», отдавъ уѣздъ на съѣденіе (?) или расцвѣтъ. Кто знаетъ, если бы «вышло», отчего не воспользоваться. Государство должно быть справедливо и смотрѣть спокойно во всѣ стороны. Да: забылъ Горнфельда. Ему бы я далъ торговать камышевыми тросточками (онъ ходитъ съ тросточкой, при галстухѣ и, кажется, пока безъ цилиндра). Короленко какой-то угрюмый и, можетъ быть, не умный. Я думаю, нѣсколько сумасшедшій. Сумасшедшій отъ странной и запутанной своей біографіи, гдѣ невозможно было сохранить равновѣсіе души. У него былъ прекрасный «службистъ» николаевскихъ временъ отецъ, мать—

полька, раздирательныя сцены русскаго угнетенія въ Ю.-Зап. краѣ, и послѣдующія встрѣчи съ с.-д. Если бы у него отецъ былъ дурной — все было бы ясно; но запуталась (честная) «тѣнь отца», и онъ вышелъ «Гамлетомъ» въ партіи, которая требуетъ дѣйствія, единослитности и не допускаетъ *сомнѣній, особенно въ умъ*. А у Короленки есть (тайныя) сомнѣнія. Я съ нимъ разъ и минутно разговаривалъ въ Таврическомъ дворцѣ. Несмотря на очарованіе произведеніями, *самъ* онъ не произвелъ хорошаго впечатлѣнія (уклончивъ, непрямы).

(за нумизматикой).

Секретъ ея страданій въ томъ, что она при изумительномъ *умственномъ* блескѣ — имѣла, однако, во всемъ только полуталанты. Ни — живописица, ни — ученый, ни — пѣвица, хотя и пѣвица, и живописица, и (больше и легче всего) ученый (годы ученія, усвоеніе лингвистики). И она все меркла, меркла *неудержимо...*

(за нумизматикой; о Башкирцевѣ).

Удивительно противна мнѣ моя фамилія. Всегда съ такимъ чужимъ чувствомъ подписываю «В. Розановъ» подъ статьями. Хоть бы «Рудневъ», «Бугаевъ», что-нибудь. Или обыкновенное русское «Ивановъ». Иду разъ по улицѣ. Поднялъ голову и прочиталъ:

«Нѣмецкая булочная Розанова».

Ну, такъ и есть: всѣ булочники «Розановы», и слѣдовательно всѣ Розановы — булочники. Что такимъ дуракамъ (съ такой глупой фамиліей) и дѣлать. Хуже моей фамиліи только «Каблуковъ»: это уже совсѣмъ позорно. Или «Стечкинъ» (критикъ «Русск. Вѣстн.», подписывавшійся «Стародумомъ»): это ужъ совсѣмъ срамъ. Но вообще ужасно неприятно носить самому себѣ неприятную фамилію. Я думаю «Брюсовъ» постоянно радуется своей фамиліи. Поэтому

СОЧИНЕНІЯ В. РОЗАНОВА

меня не манятъ. Даже смѣшно.

СТИХОТВОРЕНІЯ В. РОЗАНОВА

совершенно нельзя вообразить. Кто же будетъ «читать» такіе стихи?

— Ты что дѣлаешь, Розановъ?

— Я пишу стихи.

— Дуракъ. Ты бы лучше пёкъ булки.
Совершенно естественно.

Такая неестественно отвратительная фамилія дана мнѣ въ дополненіе къ мизерабельному виду. Сколько я гимназистомъ простаивалъ (когда ученики разойдутся изъ гимназіи) передъ большимъ зеркаломъ въ корридорѣ,—и «сколько тайныхъ слезъ украдкой» пролилъ. Лицо красное. Кожа какая-то неприятная, лоснящаяся (не сухая). Волоса прямо огненнаго цвѣта (у гимназиста) и торчатъ кверху, но не благороднымъ «ежомъ» (мужской характеръ), а какой-то поднимающейся волной, совсѣмъ нелѣпо, и какъ я не видалъ ни у кого. Помадилъ я ихъ, и все—не лежатъ. Потомъ домой приду, и опять зеркало (маленькое, ручное): «Ну, кто такого противнаго полюбить». Просто ужасъ бралъ: но меня *замѣчательно любили товарищи*, и я всегда былъ «коноводомъ» (противъ начальства, учителей, особенно противъ директора). Въ зеркало, ища красоты лица до «выпученныхъ глазъ», я, естественно, не видѣлъ у себя «взгляда», «улыбки», вообще *жизни лица*: и думаю, что вотъ эта сторона у меня—жила, и пробуждала то, что меня все-таки замѣчательно и многіе любили (какъ и я всегда безусловно отвѣтно любилъ).

Но въ душѣ я думалъ:

— Нѣтъ, это *кончено*. Женщина меня *никогда*

не полюбить, никакая. Что-же остается? Уходить из себя, жить с собою, для себя (не эгоистически, а духовно), для будущего. Конечно, побочнымъ образомъ и какъ «пустяки», внѣшняя непривлекательность была причиною самоуглубленія.

Теперь же это мнѣ даже нравится, и что «Розановъ» такъ отвратительно; къ дополненію: я съ дѣтства любилъ худую, заношенную, проношенную одежду. «Новенькая» меня всегда жала, тѣснила, даже невыносіма была. И, словомъ, какъ о винѣ:

Чѣмъ старѣе, тѣмъ лучше

—такъ точно я думалъ о сапогахъ, шапкахъ и о томъ, что «вмѣсто сюртука». И теперь стало все это нравиться:

— Да просто я не имѣю формы (сауса formalis Аристотеля). Какой-то «комокъ» или «мочалка». Но это отъ того, что я весь — духъ, и весь — субъектъ: субъективное дѣйствительно развито во мнѣ безконечно, какъ я не знаю ни у кого, не предполагалъ ни у кого. «И отлично»... Я «наименѣе рожденный человекъ», какъ бы «еще лежу (комкомъ) въ утробѣ матери» (ее безконечно люблю, т. е. покойную мамашу) и «слушаю райскіе нацѣвы» (вѣчно какъ бы слышу музыку, — моя особенность). И «отлично! совершенно отлично!» На кой чортъ мнѣ «интересная

физиономія» или еще «новое платье», когда я самъ (въ себѣ, въ «комкѣ») безконечно интересенъ, а по душѣ—безконечно старъ, опытенъ, точно мнѣ 1,000 лѣтъ, и вмѣстѣ — юнъ, какъ совершенный ребенокъ... Хорошо! Совсѣмъ хорошо...

(за нумизматикой).

ГОЛУБАЯ ЛЮБОВЬ.

...И всякій разъ, какъ я подходилъ къ этому высокому каменному дому, поднимаясь на пригорокъ, я слышалъ музыку. Гораздо позднѣе я узналъ, что это «гаммы». Онѣ мнѣ казались волшебными. Медленно, задумчиво я шель до страшно параднаго-параднаго подъѣзда, огромной прихожей-сѣней, и, снявъ гимназическое пальто, всегда проходилъ къ товарищу.

Товарищъ не зналъ, что я былъ влюбленъ въ его сестру. Видѣлъ я ее разъ—за чаемъ, и разъ—въ подъѣздѣ въ дворянское собраніе (симфоническій концертъ). За чаемъ она говорила съ матерью по-французски, я сильно краснѣлъ и шушукался съ товарищемъ.

Потомъ уже чай высылали намъ въ его ком-

нату. Но изъ-за стѣны, не глухой, изрѣдка я слышалъ ея серебристый голосъ,—о чаѣ или о чемъ-то...

А въ подъѣздѣ было такъ: я не попалъ на концертъ, или вообще что-то вышло... Все равно. Я стоялъ около подъѣзда, къ которому все подъѣзжали и подъѣзжали, непрерывно, много. И вотъ изъ однѣхъ санокъ выходитъ она съ матерью,—непріятной, важной старухой.

Кромѣ блѣднаго худенькаго лица, необыкновенно изящной фігуры, чуднаго очертанія ушей, прямого небольшого носика, такого деликатнаго, мое сердце «взяло» еще то, что она всегда имѣла голову нѣсколько опущенною—что вмѣстѣ съ фігурой груди и спины образовывало какую-то чарующую для меня линію. «Газель, пьющая воду»... Кажется, главное очарованіе заключалось въ движеніяхъ, какихъ-то волшебныхъ-легкихъ... И еще самое главное, окончательное—въ душѣ.

Да, хотя: какое же я о ней имѣлъ понятіе?

Но я представлялъ эту душу—и всѣ движенія ея подтверждали мою мысль—гордою. Не надменною: но она такъ была погружена въ свою внутреннюю прелесть, что не замѣчала людей... Она только проходила мимо людей, вещей, брала изъ нихъ нужное, но не имѣла съ ними другой связи. Оставаясь одна, она садилась за музыку, должно быть... Я анализъ, что она брала уроки математики у мѣстнаго учи-

теля гимназіи,—высшей математики, такъ какъ она уже окончила свой институтъ. «Есть же такія счастливыя» (учитель).

Однажды мой товарищъ въ чемъ-то проворовался; кажется, поддѣлалъ баллы въ аттестатѣ и, нелѣпно-наивно передавая мнѣ, упомянулъ:

— Сестра сказала мамѣ: «Я все отношу это къ тому, что Володя друженъ съ этимъ Розановымъ... Это товарищество на него дурно вліяетъ. Володя не всегда былъ такимъ...»

Володя былъ глупенькій, хорошенькій мальчикъ,—какой-то «безотвѣтственный». Я писалъ за него сочиненія въ классѣ, и затѣмъ мы «болтали»... Но «дурного вліянія» я на него не оказывалъ, потому что по его дѣтству, наивности и чепухѣ на него нельзя было оказать никакого «вліянія».

Я выслушалъ молча...

Но какъ мнѣ хотѣлось тогда умереть.

Да и не «тогда» только: мнѣ все казалось — вообще, всегда—что меня «раздавили на улицѣ лошади». И вотъ она проѣзжаетъ мимо. Остановили лошадей. И увидѣвъ, что это «я», она проговорила матери:

— Бѣдный мальчикъ... Можетъ быть онъ не былъ такой дурной, какъ казался. Вѣрно ему было больно. Все-таки его жаль.

Въ терроръ можно и влюбиться и возненавидѣть до глубины души, — и притомъ съ отгнкомъ «на недѣлѣ семь пятницъ», безъ всякой неискренности. Есть вещи, *въ себѣ* діалектическія, высвѣчивающія (*сами*) и однимъ свѣтомъ и другимъ, кажущіяся съ одной стороны — такъ, и съ другой — иначе. Мы, люди, страшно несчастны въ своихъ сужденіяхъ передъ этими діалектическими вещами, ибо страшно безсильны. «Богъ взялъ концы вещей и связалъ въ узелъ, — не развязываемый». Распутать невозможно, а разубить — все умереть. И приходится говорить — «синее, бѣлое, красное». Ибо все — *есть*. Никто не осудить «Письма Морозова изъ Шлиссельбурга» (въ «Вѣстн. Евр.»), но его «Гроза въ бурѣ» нелѣпа и *претенціозна*. Хороша Геся Гельфманъ, — но кровавая Фрумкина мнѣ органически противна, какъ и тыкающій себя *отъ злости* вилкой Бердягинъ. Все это — чахоточные, съ чахоткой въ нервахъ, Ипполиты (изъ «Идіота» Дост.). Нѣтъ гармоніи души, нѣтъ величія. Нѣтъ «благообразія», скажу терминомъ старца изъ «Подростка», нѣтъ «наряда» (одежды праздничной), скажу словами С. М. Соловьева, историка.

Какъ ни страшно сказать, вся наша «великолѣпная» литература въ сущности ужасно недостаточна и не глубока. Она великолѣпно «изображаетъ»; но то, что она изображаетъ — отнюдь не великолѣпно, и едва стоитъ этого мастерского чекана.

XVIII вѣкъ—это все «помощь правительству»: сатиры, оды, — все; Фонвизинъ, Кантемиръ, Сумароковъ, Ломоносовъ, — все и *всѣ*.

XIX вѣкъ въ золотой фазѣ отразилъ помѣщичій бытъ.

Татьяны милое семейство,
Татьяны милый идеаль.

Да, хорошо... Но что же, однако, тутъ *универсальнаго*?

Почему это *нужно* римлянину, нѣмцу, англичанину? Въ сущности, никому, *кромя самихъ русскихъ*, не интересно.

Что же потомъ и особенно теперь? Всѣ эти трепетанія Бѣлинскаго и Герцена? Огаревъ и прочіе? Бакунинъ? Глѣбъ Успенскій и мы? Михайловскій? Исключая Толстого (который *въ этомъ пунктѣ исключенія великъ*) все это есть производное отъ студенческой «курилки» (комнаты, гдѣ накурено) и отъ тощей кровати про-

ститутки. Все какой-то анекдотъ, приключеніе, бывающее и случающееся, — чортъ знаетъ, почему и для чего. Разсужденія дѣвицы и студента о Богѣ и соціальной революціи—*суть* и *душа* всего; всѣ эти «соціалъ-дѣвицы» — милы, привлекательны, поэтичны; но «почему сіе *важно*?!» *Важнаго* никакъ отсюда ничего не выходитъ. «Нравы Растеряевой улицы» (Гл. Успенскаго; впрочемъ не читалъ, знаю лишь заглавіе) никому рѣшительно не нужны, кромѣ попивающихъ чаекъ читателей Гл. Успенскаго и полицейскаго пристава, который за этими «нравами» слѣдитъ «недреманнымъ окомъ». Что такое студентъ и проститутка, разсуждающіе о Богѣ? Предметъ вздоха ректора, что студентъ не занимается, и — усмѣшки хозяйки «дома», что дѣвица не «работаетъ». Все это просто не нужно и не интересно, иначе какъ въ качествѣ иногда дѣйствительно прелестнаго сюжета для разсказа. *Мастерство* разсказа есть и *остается*: «*есть* литература». Да, но — какъ *чтеніе*. Недоумѣніе Щедрина, что «читатель только почитываетъ» литературу, которую писатель «пописываетъ», — вовсе неосновательно *въ отношеніи именно русской литературы*, съ которою что-же и дѣлать, какъ ее не «почитывать», ибо она *въ сущности единственно для этого* и «пишется»...

Въ сущности, все—«сладкіе вымыслы»:

Не для бѣдствій намъ существенныхъ
Даны вымыслы чудесные...

какъ сказалъ красиво Карамзинъ. И всѣ напи «реалисты», и Михайловскій, суть мечтатели для бумаги,—въ лучшемъ случаѣ *полной чести* («честный писатель»).

Лѣтъ шесть назадъ «другъ» мнѣ передалъ, вернувшись изъ церкви «Всѣхъ скорбящихъ» (на Шпалерной): — «Пришла женщина, не старая и не молодая. Худо одѣта. Держить за руки шесть человѣкъ дѣтей, всѣ маленькія. Горячо молилась и все плакала. Навѣрное не потеряла мужа, — не тѣ слезы, не тотъ тонъ. Навѣрно мужъ или пьетъ, или потерялъ мѣсто. Такой скорби, такой молитвы я никогда не видывала».

Вотъ это въ Гл. Успенскаго никакъ не «влѣзеть», ибо у Гл. Успенскаго «совсѣмъ не тотъ тонъ».

Вообще *семья, жизнь*, не *соціалъ-женити*, а вотъ *соціалъ-трудовики*—никакъ не вошли въ русскую литературу. На самомъ дѣлѣ *труда*-то она и не описываетъ, а только «молодыхъ людей», разсуждающихъ «о трудѣ». Именно — женихи и студенты; но вѣдь *работаютъ*-то въ дѣйствительности — не они, а — *отцы*. Но тѣ всѣ — «презираемые», «отсталые»; и для студентовъ они тоже, что куропатки для охотника.

Здѣсь великое исключеніе представляетъ собою Толстой, который отнесся съ *уваженіемъ* къ *семьѣ*, къ *трудящемуся челоуку*, къ *от-*

цамъ... Это—*оперыве* и *единственно* въ русской литературѣ, безъ подражаній и продолженій. Отъ этого онъ не кончилъ и «Декабристовъ», собственно по великой *пустотѣ сюжета*. Всѣ декабристы суть тѣ-же «соціаль-женихи», предшественники проститутки и студента, разсуждающихъ о небѣ и землѣ. Хоть и съ эксельбантами и графы. *Это не трудовая Русь*: и Толстой бросилъ сюжетъ. Тутъ его серьезное и благородное. Тò, что онъ *не кончилъ* «Декабристовъ»—столь-же существенно и благородно, такъ-же оригинально и величественно, какъ и тò, что онъ изваялъ и *кончилъ* «Войну и миръ» и «Каренину».

Конечно, не Пестель-Чацкій, а Кутузовъ-Фамусовъ держать на плечахъ своихъ Россію, «какая она ни есть». Пестель рѣшительно ничего не держать на плечахъ, кромѣ эполетъ и самолюбія. Я понимаю, что Фамусовъ немногаго стоитъ, какъ и Кутузовъ—не золотой кумирь. Но вѣдь и русская *исторія* вообще еще почти не начиналась. Жили «день за днемъ—сутки прочь»...

Ну,—вотъ ты всѣхъ пересудилъ... Но самъ кого лучше?

— Никого. Но я-же и говорю, что намъ пла-

коть не объ *обстоятельствах* своей жизни, а о *себѣ*.

Совсѣмъ другая тема, другое направленіе, другая литература.

(за нумизматикой).

Въ Россіи вся собственность выросла изъ «выпросилъ», или «подарилъ», или кого-нибудь «обобралъ». *Труда* собственности очень мало. И отъ этого она не крѣпка и не уважается.

(Луца—Петербургъ, ваюк).

Вѣчно мечтаетъ, и всегда одна мысль:—какъ бы уклониться отъ *работы*.

(руссіе).

Литература вся празднословіе... Почти вся...

Исключеній убійственно мало.

И я вошелъ въ этотъ проклятый инородческій домъ, о которомъ самъ же, при первомъ визитѣ, подумалъ: «никогда не встрѣчалъ такого: *тутъ можно только повѣситься*». Такъ мы спотыкаемся не о скалы, а объ самый простой, гладкій, износившійся самъ въ себѣ, булыжникъ.

(Н. М. М.).

Цинизмъ отъ *страданія*?.. Думали ли вы когда-нибудь объ этомъ?

(1911 г.)

Хотѣлъ-ли бы я посмертной славы (которую чувствую, что заслужилъ)?

Въ душѣ моей много лѣтъ стоитъ какая-то непрерывная боль, которая заглушаетъ желаніе славы. Которая (если душа безсмертна)—я чувствую—*усилилась-бы, если-бы была слава*.

Поэтому я ее не хочу.

Мнѣ хотѣлось бы, чтобы меня нѣкоторые помнили, но *отнюдь не хвалили*; и только при условіи, чтобы помнили *вмѣстѣ съ моими близкими*.

Безъ памяти о нихъ, о ихъ *добротѣ*, о *чести*—я не хочу, чтобы и *меня помнили*.

Откуда такое чувство? *Отъ чувства вины*; и еще отъ глубокаго чистосердечнаго сознанія, что я не былъ хорошій человекъ. Богъ далъ мнѣ таланты: но это—другое. Болѣе страшный вопросъ: былъ-ли я *хорошій человекъ*—и рѣшается въ отрицательную сторону.

(Луца—Петербургъ, вагонъ).

Два ангела сидятъ у меня на плечахъ: ангелъ смѣха и ангелъ слезъ. И ихъ вѣчное пререканіе—моя жизнь.

(на Троицкомъ мосту).

И вотъ развертываешь эту простыню... Редакторъ и ртомъ и всячески нахваталъ извѣстій... изъ Абиссиніи, Испаніи, чортъ знаетъ, откуда еще. Какъ не допнеть. И куда ему?

— Это я для вашего удовольствія (читателю).

— Спасибо. Своя душа дороже.

(за нумизматикой).

Говорятъ, этотъ господинъ, прочитавшій столько публичныхъ лекцій о народномъ просвѣщеніи, разгромившій школу, въ которой самъ учился, *не узнавалъ* своего сына. — «Это чей мальчикъ?» — И когда ему говорили, что это его сынъ, онъ патетически кидался обнимать его, но затѣмъ черезъ двѣ минуты опять забывалъ.

«Никакъ не могъ вспомнить»...

Или:

«Что дѣлать, не могу удержать въ памяти, кто ты?»

(за нумизматикой).

«Бранделясь» (на процессѣ Бутурлина)—это хорошо. Главное, какой звукъ... есть что-то такое въ звукѣ. Мнѣ болѣе и болѣе кажется, что всѣ литераторы суть «Бранделясы». Въ звукѣ этомъ тѣ хорошо, что онъ ничего собою не выражаетъ, ничего собою не обозначаетъ. И вотъ по этому качеству онъ особенно и приложимъ къ литераторамъ.

«Послѣ эпохи Меровинговъ настала эпоха Бранделясовъ», скажетъ будущій Иловайскій. Я думаю, это будетъ хорошо.

(за нумизматикой).

Литература какъ орелъ взлетѣла въ небеса. И падаетъ мертвая. Теперь-то уже совершенно ясно, что она не есть «взыскуемый невидимый градъ».

(на оборотѣ транспаранта).

«Часъ отъ часу не легче»... Ревекка NN, ставшая бывать теперь у насъ въ домѣ, вечеръ на 3-й, когда я съ нею началъ говорить о по-

дробностями (мнѣ неизвѣстныхъ или неясныхъ) миквы, сперва отвѣчала мнѣ, а потомъ—съ наступившимъ молчаніемъ—замѣтила:

— Это *название* я произношу *первые* вслухъ.

— Миквы?

Она сконфузилась:

— Это же *неприличное слово*, и въ еврейскомъ обществѣ недопустимо вслухъ сказать его...

Я взволновался:

— Но вѣдь миква же—*святая*?..

— Да, она *святая*... Такъ намъ внушали... Но ея *имя*—*неприлично*, и *вслухъ* или *при другихъ* никогда *не произносится*...

Но вѣдь это же «открытие Пиагоровой теоремы»: значить, у евреевъ есть *самое это понятие*, что «*неприличное*» и «*святые*» можетъ *совмѣщаться! совпадать!! быть однимъ!!!* Ничего подобнаго, конечно, нѣтъ и невозможно у христіанъ. И отсюда необозримое историческое послѣдствіе:

1) у христіанъ все «неприличное», — и по мѣрѣ того какъ «неприличіе» *увеличивается* — уходитъ въ «грѣхъ», въ «дурное», въ «скверну», «гадкое»: такъ что уже *само собою* и безъ комментариевъ, указаній и доказательствъ, *безъ теории*, сфера половой жизни и половыхъ органовъ, — этотъ отдѣлъ міровой застѣнчивости, міровой скрываемости, — *пала въ присподнюю «исчадія сатанизма», «дьявольщины», въ основѣ*

же — «ужасной, невыносимой мерзости», «мировой вони».

2) у евреевъ мысль *приучена* къ тому, что «неприличное» (для рѣчи, глаза и мысли) вовсе не оцѣниваетъ внутреннихъ качествъ вещи, ничего не говоритъ о содержаніи ея; такъ какъ есть одно, вѣчно «подъ руками», всѣмъ извѣстное, ритуальное, еженедѣльное, что, будучи «верхомъ неприличія» въ названіи, никогда *вслухъ не произносится* — въ то же время «свято».

Это не объясняется, это не указывается; это просто *есть*, и объ этомъ всѣ *знаютъ*.

Черезъ это евреямъ *ничего еще не сказано*, но дана *нить*, держаась за которую и идя по которой, *всякій самъ можетъ придти къ мысли, заключенію, тождеству*, что «вотъ это» (органы и функціи), хотя ихъ никому не показываютъ, и вслухъ произнести ихъ имя — неприличіе: тѣмъ не менѣе они — *святы*.

Отсюда уже прямой выводъ о «тайномъ святомъ», что есть въ мірѣ; «о святомъ, что *надо скрыть*» и «чего никогда *не надо называть*»; о мистеріяхъ, *mysterium*. Понятно происхождение самого имени, и выясняется самое «тѣло» мистеріи. Вѣдь наши всѣ «тайнства» суть открытыя, совершаемыя при дневномъ свѣтѣ, при народѣ: и явно, что *древнія* «тайнства», которыя хотѣли иногда связывать съ нашими, хотѣли этого богословы (одинъ трудъ, о *mysteria agaspa*, помнитъ г. Сильченкова, въ «Вѣрѣ и

Разумѣ»), — на самомъ дѣлѣ ничего общаго съ ними, кромѣ имени и псевдо-имени, не имѣютъ.

Продолжаю обдумывать о миквѣ, въ этомъ сочетаніи покраснѣвшей и насупившейся барышни (очень развитая московская курсистка, лѣтъ 26)—съ признаніемъ: «у насъ же никогда этого названія *вслухъ не произносятъ...*; *название* это считается *неприличнымъ*; но, *называемая* неприличнымъ именемъ, *вещь* самая — *свята*»...

Нужно знать «оттѣнки» миквы:

Она не глубока, аршина $1\frac{1}{2}$. Глубже — «трефа», «не годится». Почему? что такое? «Не годится» *для чего-то тайнаго*, что тутъ *происходитъ*, но о чемъ не произнесено и не написано нигдѣ ни слова. Только равнины посмотрѣли, измѣряли; и если не глубже $1\frac{1}{2}$ аршина — сказали: «кошеръ», «хорошо». Почему? — *народу не объяснено*.

За погруженіемъ уже наблюдаютъ синагогальные члены, у женщинъ — старухи: и кричатъ тѣмъ, которыя погружаются впервые, что они должны погрузиться такъ, чтобы *на поверхности воды не было видно кончиковъ волосъ*. При $1\frac{1}{2}$ аршинной глубинѣ явно нужно для этого очень глубоко присѣсть, до труда, до напряженія присѣсть: и всѣ «*послушно выполняютъ дѣло*», не понимая для чего. Но равнины гово-

рять: «кошеръ»! Низко присѣла—«кошеръ», не низко—«трефа». Для этого—не глубже $1\frac{1}{2}$ аршина.

Вода не приносится снаружи, *не наливается въ бассейнъ*, а выступаетъ изъ почвы, остъ *почвенная вода*. Но почвенная вода—это *вода колодца*. Такимъ образомъ, «спуститься въ микву» всегда значитъ «спуститься на дно колодца», естественно по очень длинной и узенькой лѣстницѣ, «вплотную» только для двухъ-трехъ, не болѣе, рядомъ. Ступени, какъ я наблюдалъ во Фридбергѣ, «циклопическія», въ $\frac{3}{4}$ аршина, и при спускѣ приходилось «разѣвать широко ноги»... Не шли, а «шагали», «лѣзли», тоже усиливаясь, напрягаясь... Самый спускъ очень длиненъ, глубоокъ: и подниматься нужно минутъ десять. Причемъ освѣженная и радостная (всегдашнее чувство послѣ погруженія)—естественно, поднимаясь, чуть-чуть закидывала голову кверху: и передъ глазами ея въ теченіе десяти минутъ было зрѣлище «широко разѣваемыхъ» ногъ, закругленныхъ животовъ и гладко выстриженныхъ (ритуаль) — до голизы — стыдливыхъ частей. «Все въ человѣкѣ — подобіе и образъ Божій», мелькало у поднимающихся въ эту экстатическую религіозную минуту. — «Кошеръ! кошеръ!» произносили равины.

И чтобы все это было медленно, *долго*, — по закону «не могутъ въ микву *одновременно погружаться двое*».

Такъ, задыхаясь и счастливые, *они* сходили и восходили, *онъ* восходил и нисходил.

Но вотъ всѣ ушли. Пустая вода, бассейнъ. Старикъ еврей, какъ Моисей, какъ Авраамъ, подходитъ послѣдній къ неглубокому ящичку съ водою: и, вдругъ, прилѣпивъ къ краямъ ящика восковыя свѣчи, — зажигаетъ ихъ всѣ!! Это «скупой рыцарь» юдаизма передъ своими «богатствами»... Да, для всѣхъ это гадко, стыдно, «нельзя *этого произнести вслухъ*»: но вѣдь «я строилъ микву и знаю, что и вачѣмъ; этимъ будетъ жить весь израиль, и вѣчно, *если этого не оставитъ*: и я зажигаю священный свѣтъ здѣсь, потому-что нигдѣ какъ здѣсь не напоенъ воздухъ такъ тѣлами израиля, и всѣ $\frac{\text{они}}{\text{онъ}}$ вдохнули этого воздуха, вдохнули и проглотили его, и теперь онъ ароматическою и зрительною струею бѣжитъ въ жилахъ кажд^{аго}_{онъ} и рождаетъ образы и желанія, которыми, *едиными и объединяющими*, волнуется весь израиль».

«Зажженные восковыя свѣчи» — это переводъ на нашъ языкъ, на нашъ обрядъ того, что законъ и вѣра говоритъ израилю: «миква *святая*». Въ Талмудѣ есть изреченіе: «Богъ есть миква, ибо Онъ *очищаетъ* (не помню, сказано-ли «души») израиля».

Но оставимъ старика и перекинемся къ намъ, въ нашу обстановку, въ нашъ бытъ, — чтобы объяснить это древнее установленіе евреевъ и дать почувствовать его душу. Представимъ себѣ нашъ балъ. Движеніе, разговоры, «новости» и «политика». Роскошь всего и туалеты дамъ... Амфилада залъ, съ бѣлыми колоннами и стѣнами. И вотъ кто-нибудь изъ гостей, изъ танцовавшихъ кавалеровъ, — утомленный танцами, отходитъ совсѣмъ въ боковую комнату: и, увидя на столѣ миску съ прохладною водою, кѣмъ-то забытую и ненужную, осторожно оглядывается кругомъ, притворяетъ дверь, и, вынувъ нѣсколько возбужденную и волнующуюся часть — погрузилъ въ холодную чистую воду... «пока — остынетъ».

Онъ дѣлаетъ то, что іудеи въ миквѣ и мусульмане въ омовеніяхъ («намазъ»).

И ушелъ. Вся разгорѣвшаяся впорхнула сюда-же женщина. ...Она разгорѣлась, потому что ей жали руку, потому-что она назначила свиданіе, — и назначила сейчасъ послѣ бала, въ эту-же ночь. Увидѣвъ ту-же миску, она беретъ ее, ставитъ на полъ, — и, также осторожно оглянувшись кругомъ и положивъ крючокъ на дверь, повторяетъ то, что ранѣе сдѣлалъ мужчина.

Это — то, что дѣлаютъ іудеянки въ миквѣ.

И многіе, и, наконецъ — всѣ это сдѣлали, увѣренные, что ни одинъ глазъ ихъ не видѣлъ.

Если-бы кто-нибудь увидѣлъ, онѣ всѣ умерли бы отъ стыда. Вотъ восклицаніе Ревекки NN:— «имя это—*неприлично*».

Доселѣ—мы и наше, прохлада и чистота. Все—раціонально.

Перейдемъ-же обратно опять назадъ,—въ іудейство:

Представимъ, что черезъ слуховое окно чердака, изъ темнаго мѣста, видѣлъ все здѣсь происшедшее — еврей. Мы бы отвернулись или не обратили вниманія. Но не къ тому призвало его «обрѣзаніе», которое онъ несетъ на себѣ; и не такъ, а совсѣмъ иначе, оно его поставило. Въ противоположность нашему отвращенію, у него разгорѣлись глаза. Онъ вылѣзъ. Бала ему не нужно, и на балъ онъ не пойдетъ. Его мѣсто—здѣсь. Онъ уноситъ къ себѣ миску, остерегаясь расплескать изъ нея воду. И, тоже запершись, чтобы никто его не увидѣлъ,—поставилъ ее на столъ и вдругъ зажегъ множество лампадъ (*начало* лампадъ—въ Египтѣ) вокругъ и, закрывъ голову покрываломъ, какъ-бы передъ глазами его находится что-то, на что онъ не смѣетъ смотрѣть, сталъ бормотать слова на непонятномъ языкѣ.

Онъ творилъ молитвы и заклинанія.

Это—юдаизмъ.

И молитвы эти — добрыя. Еврей молился:—

«Пусть они танцуютъ. Эти глупости пройдутъ. Я молюсь о томъ, что имъ нужно будетъ въ старости,—о *здоровьи*, о *продлѣнїи ихъ жизни*; о томъ, чтобы самая жизнь была *свѣжа*, *крѣпка*; вотъ чтобы *не болѣло* у нихъ, и *никогда не болѣло* то, что они сюда погрузили и здѣсь омыли. Ахъ, они теперь не знаютъ, потому-что влюблены,—и говорятъ о службѣ и чинахъ. Я прошелъ всѣ чины и мнѣ ничего не нужно: я знаю, какъ *жизнерадостность зависитъ отъ того*, чтобы въ этомъ *мѣстѣ ничего не засорялось у человека*, *не помутнилось и не слабѣло*, а все было ясно и честно, какъ хорошїй счетъ, и общающе, какъ новорожденный младенецъ. И я имъ всѣмъ чужой: но молюсь моему Тайному Богу, чтобы у всего *Мїра*, у всѣхъ *ихъ*, Онъ сохранилъ и благословилъ эти части, на вѣчное плодородіе мїра и на расцвѣтъ всей земли, которую Онъ *Благїй сотворилъ*».

А м е н .

...и бѣгутъ, бѣгутъ всѣ... чудовищной толпой.
Куда? Зачѣмъ?

— Ты спрашиваешь, зачѣмъ мировое вою?

— Да тутъ не вою, а скорѣе ноги скользятъ,

животы трясутся. И никто ни къ чему не привязанъ. Это—скетингъ-рингъ, а не жизнь...

(о постели ночью).

Смѣхъ не можетъ ничего убить. Смѣхъ можетъ только *придавить*.

И терпѣніе одолѣетъ всякій смѣхъ.

(о мысляхъ).

Техника, присоединившись къ душѣ, 'дала ей всемогущество. Но она же ее и раздавила. Появилась «техническая душа» — *contradictio in adjecto*. И вдохновеніе умерло.

(печать и вообще «все новое»).

Въ мое время, при моей жизни, создались нѣкоторыя новыя слова: въ 1880-мъ году я самъ

себя называлъ «психопатомъ», смѣясь и веселясь новому удачному слову. До себя я ни отъ кого (кажется) его не слыжалъ. Потомъ (время Шопенгауэра) многіе такъ стали называть себя или другихъ; потомъ появилось это въ журналахъ. Теперь это бранная кличка, но первоначально это обозначало «болѣзнь духа», въ родѣ Байрона,—обозначало поэтовъ и философовъ. Вертеръ былъ «психопатъ».—Потомъ, позднѣе, возникло слово «декадентъ», и тоже я былъ изъ первыхъ. Шперкъ съ гордостью говорилъ о себѣ: «я, батенька, декадентъ». Это было раньше, чѣмъ мы оба услышали о Брюсовѣ; А. Бѣлый—не рождался.—Теперь распространилось слово «чуткій»: нужно-бы посмотрѣть книгу «О пониманіи»; но въ идеяхъ «чуткости» и «настроенія», съ яркимъ *сознаніемъ* ихъ, съ признаніемъ ихъ *важности*, я писалъ эту книгу.

Всѣ эти слова, новыя въ обществѣ и въ литературѣ, выражали—степенями—огромное *углубленіе* чловѣка. Всѣ стали немножко «метерлинками», и въ этомъ—*суть*. Но стали «метерлинками» раньше, чѣмъ слышали о Метерлинкѣ.

Поразительно, что къ гробу Толстого сбѣжались всѣ Добчинскіе со всей Россіи, и кромѣ

Добчинскихъ никого тамъ и не было, они тѣсно. тою толпы никого еще туда и не пропустили. Такъ что «похороны Толстого» въ то же время вышли «выставкою Добчинскихъ»...

Суть Добчинскаго — «чтобы обо мнѣ узнали въ Петербургѣ». Именно одно это желаніе и подхлестнуло всѣхъ побѣжать. Объявился какой-то «Союзъ союзовъ» и «Центральный комитетъ 20-ти литературныхъ обществъ»... О Толстомъ никто не помнилъ: каждый сюда бѣжалъ, чтобы вскочить на кафедру, и, что-то проболтавъ, — все равно, что, — ткнуть перстомъ въ грудь и сказать: «вотъ я, Добчинскій, живу; современникъ вамъ и Толстому. Раздѣляю его мысли, восхищаюсь его гениемъ; но вы запомните, что я именно — *Добчинскій*, и не смѣшайте мою фамилію съ чьей-нибудь другой».

Никогда не было такого позора, никогда литература не была такъ жалка. Никогда она не являла такой *безжалостности*: ибо Т—го можно было и пожалѣть (последняя драма), можно было о немъ и *подумать*. Но ничего, ровно ничего такого не было. Въ воздухѣ вдругъ пронеслось ликование: «и я взойду *на эстраду*». Шумъ поднялся на улицѣ. Бѣдутъ, спѣшать: — «вы *будете говорить?*» — «и я буду говорить». — «Мы *все* теперь будемъ говорить»... «И ужъ въ другое время можетъ насъ и не послушали бы, а теперь непременно выслушаютъ, и запомнятъ, что вотъ бородка клинышкомъ, лицо бѣ-

лобрыое, и задумчивые голубые глаза»... «Я, *Добчинскій*: и зовуть меня *Семеновъ Петровичемъ*».

Это продолжалось должно быть недѣли двѣ. И въ эти двѣ недѣли вихря никто не почувствовалъ позора. Слова «довольно» и «тише» раздались не ранѣе, какъ недѣли двѣ спустя послѣ смерти. «Туть-то я блесну *умомъ*»... И коллективно все блеснуло *пошлостью*,—да такой, какой отъ Фонвизина не случалось.

Нужно-ли говорить, что всѣ «говорившіе» не имѣли ни *юты* роднящаго, родного съ Толстымъ. Были *ему* совершенно чужды, даже враждебны; и въ отношеніи *изъ самизъ* Толстой былъ совершенно чужой, и даже былъ имъ всѣмъ *врагъ*.

Всю жизнь онъ полагалъ именно на *борьбу съ такими*, на *просвѣщеніе такихъ*, на то, чтобы *разбудить такихъ, воскресить, преобразить*...

И вдругъ такое: *finis coronat opus!*

Ужасно.

(за *кулизматикой*).

Добчинскаго, еслибъ онъ жилъ въ болѣе «гражданскій-развитую эпоху»,—и представить нельзя

иначе, какъ журналистомъ, или, еще правильнѣе — стоящимъ во главѣ «литературно-политическаго» журнала; а *Ноздревъ* писалъ-бы у него передовицы... Это—въ тихое время; въ бурное—Добчинскій бѣгалъ-бы съ прокламаціями, а Ноздревъ былъ-бы «за Родичева». И, кто знаетъ, вдвоемъ не совершили-ли бы они переворота. «Не боги горшки обжигаютъ»...

(за нумизматикой).

Сатана соблазнилъ папу властью; а литературу онъ-же соблазнилъ славою...

Но уже Геростратъ указалъ самый вѣрный путь къ «сохраненію имени въ потомствѣ»... И литература, которая только и живетъ тревогою о «сохраненіи имени въ потомствѣ» (Добчинскій)—естественно уже къ нашимъ днямъ, т. е. «пока еще цвѣточки», — пронизалась вся Геростратами.

Ни для кого такъ не легко сжечь Римъ, какъ для Добчинскаго. Катилина задумается. Маниловъ—пожалѣетъ; Собакевичъ—не поворотится; но Добчинскій поспѣшитъ со всѣхъ ногъ: «Боже! да вѣдь Римъ только и ждалъ меня, а я именно

и родился, чтобы *сжечь Римъ*: смотри, публика, и запоминай *мое имя*».

Сущность литературы... самая ее душа... «душенька».

(за нумизматикой).

Читалъ о страдальческой, ужасной жизни Гл. Успенскаго («Руск. Мысль» 1911 г., лѣто): его душилъ какой-то долгъ въ 1700 руб.; потомъ «процентщица бѣгала за мной по пятамъ, не давая покою ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ».

Онъ былъ *другъ Некрасова и Михайловскаго*. Они явно не только уважали, но и *любили его* (Михайловскій въ письмѣ ко мнѣ).

Но тогда почему же не *помогли ему*? Что это за мрачная тайна? Тоже какъ и у почти милліонера Герцена въ отношеніи Бѣлинскаго. Я не защитникъ буржуа, и ни до нихъ, ни до судьбы ихъ мнѣ дѣла нѣтъ; но и простая пропись и простой здравый смыслъ кричить: «отчего-же это фабриканты *должны уступить рабочимъ машины и корпуса фабрикъ*,—когда рѣшительно ничего не уступили: Герценъ — Бѣ-

линскому, Михайловскій и Некрасовъ — Глѣбу Успенскому».

Это какой-то «страшный судъ» всѣхъ пролетарскихъ доктринъ и всей пролетарской идеологіи.

А голодные такъ голодны и все таки революція права. Но она права не идеологически, а какъ *натискъ*, какъ *воля*, какъ *отчаяніе*. «Я не *святой* и, можетъ быть, хуже тебя: но я волкъ, голодный и ловкій, да и голодъ далъ мнѣ храбрость; а ты тысячу лѣтъ—волъ, и если когда-то имѣлъ рога и копыта, чтобы убить меня, то теперь — старъ, разслабленъ, и вотъ я *съѣмъ тебя*».

Революція и «старый строй» — это просто «дряклость» и «еще крѣпкія силы». Но это — не идеѣ, *ни въ какомъ случаѣ — не идеѣ!*

Всѣ соц.-демократ. теоріи сводятся къ тезису: «хочется мнѣ кушать». Чтò-же: тезисъ-то вѣдь правъ. Противъ него «самъ Господь Богъ ничего не скажетъ». «Кто далъ мнѣ желудокъ — обязанъ дать и пищу». Космологія.

Да. Но мечтатель отходить въ сторону: потому что даже больше, чѣмъ пищу — онъ лю-

бить мечту свою. А въ революціи — ничего для мечты.

И вотъ, можетъ, лишь отъ того, что въ ней—ничего для мечты, она не удастся. «Битой посуды будетъ много», но «новаго зданія не выстроится». Ибо строить тотъ одинъ, кто способенъ къ изнуряющей мечтѣ; строилъ Микель-Анжело, Леонардо-да Винчи: но революція всѣмъ имъ «покажетъ прозаическій кукишъ» и задушить еще въ младенчествѣ, лѣтъ 11—13, когда у нихъ вдругъ окажется «свое на душѣ».—«А, вы—гордецы: не хотите съ нами смѣшиваться, дѣлиться, откровенничать... Имѣете какую-то свою душу, не общую душу... Коллективъ, давшій жизнь родителямъ вашимъ и вамъ,—ибо безъ коллектива они и вы подошли бы съ голоду—теперь береть свое назадъ. Умрите».

И «новое зданіе», съ чертами ослинаго въ себѣ, повалится въ третьемъ-четвертомъ поколѣніи.

Всякое движеніе души у меня сопровождается *выговариваніемъ*. И всякое выговариваніе я хочу непременно *записать*. Это—инстинктъ. Не изъ такого-ли инстинкта родилась литература (пись-

менная)? Потому-что о печати не приходитъ мысль: и, слѣдовательно, Гутенбергъ пришелъ «потомъ».

У насъ литература такъ слилась съ печатью, что мы совсѣмъ забываемъ, что она была до печати и въ сущности вовсе не для опубликованія. Литература родилась «про себя» (молча) и для себя; и уже потомъ стала печататься. Но это—одна *техника*.

Выньте, такъ сказать, изъ самаго существа міра молитву,—сдѣлайте, чтобы языкъ мой, умъ мой разучился словамъ ея, самому дѣлу ея, существу ея;—чтобы я этого не могъ, люди этого не могли: и я съ выпученными глазами и ужаснымъ воемъ выбѣжалъ-бы изъ дому, и бѣжалъ, бѣжалъ, пока не упалъ. Безъ молитвы совершенно нельзя жить... Безъ молитвы—безуміе и ужасъ.

Но это все понимается, когда плачется... А кто не плачетъ, не плакалъ,—какъ ему это объяснить? Онъ никогда не пойметъ. А вѣдь много людей, которые никогда не плачутъ..

Какъ мужъ—онъ не любилъ жену, какъ отецъ—не заботился о дѣтяхъ; жена измѣнила—онъ «махнулъ рукой»; выгнали изъ школы сына—

онъ обругалъ школу и отдалъ въ другую. Скажите, что такому «позитивисту» скажетъ религія? Онъ пожметъ плечами и улыбнется.

Да: но онъ—не *естъ*.

Позитивизмъ истиненъ, нуженъ и даже вѣченъ: но для опредѣленной *частицы* людей. Позитивизмъ нуженъ для «позитивистовъ»; суть не въ «позитивизмѣ», а въ «позитивистѣ»; чловѣкъ и вдѣсь, какъ вездѣ—раньше теоріи.

Да...

Религіозный чловѣкъ предшествуетъ всякой религіи, и «позитивный чловѣкъ» родился гораздо раньше Огюста Конта.

(за нумизматикой).

Въ «другѣ» дана мнѣ была путеводная звѣзда... И я 20 лѣтъ (съ 1889 г.) шелъ за нею: и все, что хорошаго я сдѣлалъ, или было во мнѣ хорошаго за это время, — отъ нея; а что дурное во мнѣ — отъ меня самого. Но я былъ упрямъ. Только сердце мое всегда плакало, когда я уклонялся отъ нея...

(за нумизматикой).

И только одно хвастовство, и только одинъ у каждаго вопросъ: «какую роль *при этомъ* я буду играть». Если «при этомъ» онъ не будетъ играть роли,—«къ чорту».

(за нумизматикой; о политикѣ и печати).

Да, все такъ,—и просвѣщеніе, и связь съ идеями времени... Но она готовитъ хорошее наслѣдство внукамъ, прочное и основательное, и это и дочь, и зять твердо знаютъ. Такъ о *главномъ мотивѣ* жизни мы всѣ молчимъ и дѣлаемъ ссылки на то, что въ сущности тоже есть мотивъ, и хорошій, и горячій даже: но—*не самый горячій*.

(одна изъ лучшихъ репутацій въ Россіи).

Сколько прекраснаго встрѣтишь въ человѣкѣ, гдѣ и не ожидаешь...

И сколько порочнаго,—и тоже гдѣ не ожидаешь.

(на улицѣ).

Созидайте духъ, созидайте духъ, созидайте духъ! Смотрите, онъ весь разсыпался:..

(на Загородномъ пр., веч.; крутомъ проститутки).

Дѣло въ томъ, что таланты наши какъ-то связаны съ пороками, а добродѣтели — съ безцвѣтностью. Вотъ изъ этой «заковыки» и вытаскивайся.

Въ 99 изъ 100 случаевъ, «добродѣтель» есть просто: «я не хочу», «мнѣ не хочется», «мнѣ мало хочется»... «Добродѣтельная біографія» или «эпоха добрыхъ нравовъ» (въ исторіи) есть просто личность довольно «безличная» и время довольно «безвременное». Всѣмъ «очень мало хотѣлось». Мерсі.

(отъхагъ на Зеленину).

Мнѣ и одному хорошо, и со всѣми. Я и не одиночка и не общественникъ. Но когда я одинъ—

я полный, а когда со всѣми—не полный. Одному мнѣ всетаки лучше.

Одному лучше—потому, что когда одинъ—я съ Богомъ.

Я могъ бы отказаться отъ даровъ, отъ литературы, отъ будущности своего я, отъ славы или извѣстности—слишкомъ могъ бы; отъ счастья, отъ благополучія... не знаю. Но отъ Бога я никогда не могъ бы отказаться. Богъ есть самое «теплое» для меня. Съ Богомъ мнѣ «всего теплѣе». Съ Богомъ никогда не скучно и не холодно.

Въ концѣ концовъ Богъ—моя жизнь.

Я только живу для Него, черезъ Него. Внѣ Бога—меня нѣтъ.

Что такое Богъ для меня?... Боюсь ли я Его? Нисколько. Что Онъ накажетъ? Нѣтъ. Что Онъ дастъ будущую жизнь? Нѣтъ. Что онъ меня питаетъ? Нѣтъ. Что черезъ Него существую, созданъ? Нѣтъ.

Такъ что же Онъ такое для меня?

Моя вѣчная грусть и радость. Особенная, ни къ чему не относящаяся.

Такъ не есть ли Богъ «мое настроеніе»?

Я люблю того, кто заставляетъ меня грустить

и радоваться, кто со мной говорит; меня упрекает, меня утѣшаетъ.

Это Кто-то. Это — Лицо. Богъ для меня всегда «онъ». Или «ты»;—всегда близокъ.

Мой Богъ—особенный. Это только *мой* Богъ; и еще ничей. Если еще «чейнибудь»—то этого я не знаю и не интересуюсь.

«Мой Богъ» — безконечная моя интимность, безконечная моя индивидуальность. Интимность похожа на воронку, или даже двѣ воронки. Отъ моего «общественнаго я» идетъ воронка, суживающаяся до точки. Черезъ эту точку-просвѣтъ идетъ только одинъ лучъ: отъ Бога. За этой точкой—другая воронка, уже не суживающаяся, а расширяющаяся въ безконечность: Это Богъ. «Тамъ—Богъ». Такъ что Богъ

1) и моя интимность

2) и безконечность, въ коей самый міръ—часть.

Самъ я постоянно ругаю русскихъ. Даже почти только и дѣлаю, что ругаю ихъ. «Пренесносный Щедринъ». Но почему я ненавижу всякаго, кто тоже ихъ ругаетъ? И даже почти только и не-

навижу тѣхъ, кто русскихъ ненавидить и особенно презираеть.

Между тѣмъ я безспорно и презираю русскихъ, до отвращенія. Аномалія.

(за тумизматикой).

На полемикѣ съ дуракомъ П. С. я все-таки заработалъ около 300 р. Это $\frac{1}{3}$ стоимости тетрадрахмы Антіоха VII Гриппа, съ Палладой Аѳиной въ окруженіи фалловъ (2.400 франковъ). У Нуррибея продавалась еще тетрадрахма съ Афродитой, между львомъ и быкомъ, которая сидитъ на тронѣ и *обоняетъ цвѣткы*. Этой я не могъ приобрѣсти (обѣ—*уники*).

Съ основанія міра было двѣ философіи: философія человѣка, которому почему-либо хочется кого-то выпоротъ; и философія выпоротаго человѣка. Наша русская вся—философія выпоротаго человѣка. Но отъ Манфреда до Ницше западная страдаетъ Соллогубовскимъ зудомъ: «кого бы мнѣ посѣчь».

Ницше почтили потому, что онъ былъ нѣмецъ,

и притомъ—страдающей (болѣзнь). Но если бы *русскій* и *отъ себя* заговорилъ въ духѣ: «падающаго *еще толкни*»,—его бы назвали мерзавцемъ и вовсе не стали бы читать.

(по прочтеніи статьи Перцова:
«*Между старымъ и новымъ*»).

Побѣда Платона Каратаева еще гораздо значительнѣе, чѣмъ ее оцѣнили: это въ самомъ дѣлѣ побѣда Максима Максимовича надъ Печоринымъ, т. е. побѣда одного изъ двухъ огромныхъ литературныхъ теченій надъ враждебнымъ... Могло бы и не случиться... Но Толстой всю жизнь положилъ за «Максима Максимовича» (Ник. Ростовъ, артиллеристъ Тушинъ, Пл. Каратаевъ, философія Пьера Безухова, — перешедшая въ философію самого Толстого). «Непротивленіе злу» не есть ни христіанство, ни буддизмъ: но это дѣйствительно есть *русская стигія*,—«безпорывная природа» восточно-европейской равнины. Единственные русскіе бунтовщики—«нигилисты»: и вотъ тутъ чрезвычайно любопытно, чѣмъ же это кончится; т. е. чѣмъ кончится единственный русскій *бунтъ*. Но это въ высшей степени объясняетъ силу и значительность и устойчивость

и упорство нигилизма. «Надо же гдѣ-нибудь», — хоть гдѣ-нибудь надо, — «побунтовать»: и для 80-милліоннаго народа, конечно — «это надо». Косточки устали все только «терпѣть».

(тогда-же).

Богъ мой! вѣчность моя! Отчего-же душа моя такъ прыгаетъ, когда я думаю о Тебѣ...

И все держать рука Твоя: что она меня держитъ—это я постоянно чувствую.

(ночь на 25 декабря 1910).

Я задыхаюсь въ мысли. И какъ мнѣ пріятно жить въ такомъ задыханіи. Вотъ отчего жизнь моя сквозь терніи и слезы есть все таки наслажденіе.

(на Зелениной).

Меня даже глупый человѣкъ можетъ «водить за носъ», и я буду знать, что онъ глупый, и

что даже ведетъ меня ко вреду, наконецъ—«къ вѣчной гибели»: и все таки буду за нимъ идти. «Къ чести моей» слѣдуетъ, однако, замѣтить, что $\frac{1}{2}$ случаевъ, когда меня «водятъ за носъ», относится къ глубокой, полной моей неспособности сказать человѣку — «дуракъ», какъ и: — «ты меня обманываешь». Ни разу въ жизни не говорилъ. И вотъ единственно, чтобы не ставить «ближняго» въ неловкое положеніе, я дѣлаю видъ, иногда годы, что всѣ его указанія очень умны, или что онъ *сomme il faut* и бережетъ меня. Еще $\frac{1}{4}$ случаевъ относится къ моему глубокому (съ дѣтства) безразличію къ внѣшней жизни (если не опасность). Но $\frac{1}{4}$ однако есть проявленіе чистаго минуса и безволія, — безъ внѣшнихъ и побочныхъ объясненій.

. . . . .

Иное дѣло—мечта: тутъ я не подвигался даже на скрупуль ни подъ какимъ воздѣйствіемъ и никогда; въ томъ числѣ даже и въ дѣтствѣ. Въ этомъ смыслѣ я былъ совершенно «не воспитывающійся» человѣкъ, совершенно не поддающійся «культурному воздѣйствію».

Почти пропорціонально отсутствію *воли къ жизни* (къ реализаціи), у меня было упорство *воли къ мечтѣ*. Даже, кажется, еще постояннѣе, настойчивѣе... Именно—не «подвинулось ни на скрупуль» и «не уступило ничему».

На видѣ я—*всесклоняемый*.

Въ себѣ (субъектѣ)—*абсолютно несклоняемъ*; «не согласуемъ». Какое-то «нарѣчіе».

Я похожъ на младенца въ утробѣ матери, но которому вовсе не хочется родиться. «Мнѣ и тутъ тепло»...

(на извоищикъ, ночью).

Авраама призывалъ Богъ: а я самъ призывалъ Бога... Вотъ вся разница.

Все-таки ни одинъ изъ библеистовъ не разсмотрѣлъ этой *особенности и странности библейскаго разсказа*, что вѣдь не Авраамъ искалъ Бога, а Богъ *хотѣлъ Авраама*. Въ библіи даже ясно показано, что Авраамъ *долго уклонялся отъ заключенія завѣта*... Бѣгалъ, но Богъ схватилъ его. Тогда онъ отвѣтилъ: «теперь я буду вѣренъ Тебѣ, я и потомство мое».

(за нумизматикой).

Ни о чемъ я не тосковалъ такъ, какъ объ *униженіи*. «Извѣстность» иногда радовала меня, — чисто порсячьимъ удовольствіемъ. Но всегда

это бывало не надолго (день, два): затѣмъ вступала прежняя тоска — быть, напротивъ, униженнымъ.

(на оборотъ транспаранта).

О своей смерти: «нужно, чтобы этотъ соръ былъ выметенъ изъ міра». И вотъ, когда настанетъ это «нужно» — я умру.

(на оборотъ транспаранта).

Я не нуженъ: ни въ чемъ я такъ не увѣренъ, какъ въ томъ, что я *не нуженъ*.

(на оборотъ транспаранта).

Милые, милые люди: сколько васъ прекрасныхъ я встрѣтилъ на своемъ пути. По времени первая — Ю(лія). Проста, самоотверженна. Но

какъ звѣзда среди всѣхъ—моя «безъимянница»... «Богъ не далъ мнѣ твоего имени, а прежнее я не хочу носить, потому-что...». И она «никакъ» себя называла, т. е. называла подъ письмами однимъ *крестильнымъ именемъ*. Я смѣюсь: «да вѣдь такъ себя царицы подписываютъ, великіе князья». Она не понимала, не возражала, но продолжала писать одно имя: «В.....». Я взялъ отъ него одинъ изъ своихъ псевдонимовъ.

(на оборотѣ транспаранта).

Литература есть самый отвратительный видъ торга. И потому удвоенно-отвратительный, что тутъ замѣшивается нѣсколько *таланта*. И что «торгуемая вещь» суть дѣйствительныя духовныя цѣнности.

(на оборотѣ транспаранта).

Униженіе всегда переходитъ черезъ нѣсколько дней въ такое душевное сіяніе, съ которымъ не сравнится ничто. Не не возможно сказать,

что нѣкоторыя, и притомъ высочайшія, духовныя *просвѣтленія* недостижимы безъ предварительной униженности; что нѣкоторыя «духовныя абсолютности» такъ и остались навѣки скрыты отъ тѣхъ, кто вѣчно торжествовалъ, побѣждалъ, былъ на верху.

Какъ грубъ, а посему и какъ несчастенъ, Наполеонъ... Послѣ Іены онъ былъ жалчѣе, нежели нищій-праведникъ, которому изъ богатаго дома сказали — «Богъ подастъ».

Не на этой ли тайнѣ *всемирной психологичности* (если она есть, т. е. *всемирная психологичность*) основано то, что наконецъ «Онъ захотѣлъ пострадать?..»

Какъ мы лучше послѣ страданія?.. Не на этомъ ли основанъ «выигрышъ безъ проигрыша» демократіи?.. Она вовсе не рождается «въ золотыхъ пеленкахъ» морали; «съ грѣшкомъ», какъ и всѣ. Но она — «въ нижнемъ положеніи»: и нравственный ореолъ привлекъ къ ней всѣхъ...

(на оборотъ транспаранта).

Правда выше солнца, выше неба, выше бога: ибо если и богъ начинался бы *не съ правды* — онъ — *не* богъ, и небо — трясина, и солнце — мѣдная посуда.

(на оборотъ транспаранта).

Какъ бы Б. на вѣки вѣчные указалъ чело-
вѣку, *гдѣ* можно съ нимъ *встрѣтиться*.

«Ищи меня не въ лѣсу, не въ полѣ, не въ
пустынѣ», ни—«на верху горы», ни—«въ долинѣ
низу», — «ни въ водахъ, ни подъ землею», а...
гдѣ я заключилъ завѣтъ «съ отцомъ вашимъ
Авраамомъ».

Поразительно. Но *куда*-же это приводитъ раз-
мышляющаго, доискивающагося, угадывающаго?

Но, въ такомъ случаѣ, *какъ* *понятно*, почему
а-сексуалисты суть въ то же время а-теисты:
они «не встрѣчаются съ Богомъ», «не видѣли»,
«не слышали», «не знаютъ».

Душа есть *страсть*.

И отсюда отдаленно и высоко: «Азъ есмь
огнь поѣдающій» (Богъ о Себѣ въ Библии).

Отсюда же: талантъ нарастаетъ, когда нарас-
таетъ страсть. Талантъ есть страсть.

(*ночью на извожикѣ*).

— Подавайте, Василій Васильевичъ, за октябристовъ, кричалъ Боря, попыхивая трубочкой.

— Твои октябристы, Боря, болваны: но такъ-какъ у жены твоей у-ди-ви-тельные плечи, а сестра твоя цѣломудренна и неприступна, то я подамъ за октябристовъ.

И подалъ за нихъ (въ 3-ю Думу): такъ-какъ квартиры д-ра Соколова (старшина эсъ-дековъ въ Спб., — гдѣ-то на Греческомъ проспектѣ) не могъ найти, а проклятый «бюллетень», конечно, потерялъ въ тотъ-же день, какъ получилъ.

— Какія событія! Какія событія! Ты бы, Василій Васильевичъ, что нибудь написалъ о нихъ, говорилъ секретарь «нашей газеты», милѣйшій Н. И Афанасьевъ, проходя по комнатѣ.

У него жена французенка и не говоритъ вовсе по-русски. Не понимаю, какъ они объясняются «въ патетическія минуты»: нельзя же въ полномъ безмолвіи...

«Какія, чортъ возьми, событія»? А я ищу «темъ для статей». Читая газеты, разумѣется —

ищу мелкіе шрифты, гдѣ позанимательнѣе: не читать же эти фельетонищи и передовыя, на которыя надо убить день.

— Какія, Николай Ивановичъ, «событія»? ·

— Да какъ-же, отвѣчаетъ совсѣмъ отъ двери, — о «свободѣ вѣроисповѣданій, отмѣнѣ подушной подати», и чуть не пересмотрѣ всѣхъ законовъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, «событія»: и если понапречья — то можно сколько угодно написать передовыхъ статей.

Это было чуть-ли не во время, когда шумѣли Гапонъ и Витте. Мнѣ казалось — ничего особеннаго не происходитъ. Но это его задумчивое бормотанье подъ носъ: «какія событія» — какъ ударило мнѣ въ голову.

Поразительно, что иногда я гляжу во всѣ глаза на «событіе», и даже пишу о немъ статьи, наконецъ — *произношу о немъ глубоко раздѣльныя слова* яснаго, значительнаго смысла, въ уровень и въ «сердцевину» событія: и, между тѣмъ, совершенно его *не вижу, не знаю*, ничего о немъ опредѣленнаго не думаю, и «хочу-ли» его или «не хочу» — самъ не знаю. Я самъ порадовался (душою), когда *ухомъ* услышалъ свои же слова:

— Господа! Мы должны радоваться не тому, что манифестъ данъ: но что онъ *не могъ не быть данъ*, что мы его взяли!

Это когда Столыпинъ (А. А.), войдя въ общую комнату, гдѣ были всѣ «мы», сказалъ, что «Государь подписалъ манифестъ» (17-го октября)... Всѣ заволновались, и велѣли подать шампанское. Тутъ я, вдругъ сдѣлавшись торжественно-настроенъ, съ чѣмъ-то «величественнымъ въ душѣ» (прямо чувствовалъ теплоту, въ груди) и сказалъ эти слова, которыя вѣдь были «въ сердцевину» событія...

Между тѣмъ мнѣ въ голову не приходило, что дѣло идетъ *о конституціи*. До такой степени, что когда я пошелъ домой, то только съ этой мыслью, что дня на три, а можетъ — дней на пять, можно отдохнуть отъ писанія статей. Пришелъ домой и сказалъ это, и сказалъ, что завтра и послѣзавтра не надо идти въ редакцію. Сообразно этому на завтра я велѣлъ приготовить себѣ бѣлье, и отправился на Знаменскую въ бани, лѣжать на полкѣ въ горячемъ пару «отложивъ всѣ попеченія» (моя въ своемъ родѣ «херувимская»)... И вечеромъ что-то возился около бумагъ, монетъ и около чая.

Вдругъ *послѣ застра* узнаю, что «*вчера* шли по Невскому съ красными флагами»!!!... *единственный* и *первый* разъ въ русской исторіи, при «благоклонномъ сочувствіи полиціи»... Единственная минута, единственное ощущеніе, единственное переживаніе.

Вѣдь я же *это* понимаю.

О, да!!!

Но я «пролежалъ въ пару». У меня *есть* *затяжность души*: «событіемъ» я буду — и *глубоко, какъ немногіе* — жить черезъ три года, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, какъ его *видѣлъ*. А когда *видѣлъ* — ничего рѣшительно *не думалъ* о немъ. А думалъ (страстно и горячо) о томъ, что было *еще три года назадъ*. Это всегда у меня, съ юности, съ дѣтства.

Народы, хотите-ли я вамъ скажу громовую истину, какой вамъ не говорилъ ни одинъ изъ пророковъ...

— Ну? Ну?.. Хх...

— Это — что частная жизнь выше всего.

— Хе-хе-хе!.. Ха-ха-ха!.. Ха, ха!..

— Да, да! Никто этого не говорилъ; я — первый... Просто, сидѣть дома и хотя-бы ковчегъ въ носу и смотрѣть на закатъ солнца.

— Ха, ха, ха...

— Ей-ей: это — *общее* религіи... Всѣ религіи пройдутъ, а это останется: просто — сидѣть на стулѣ и смотрѣть вдаль.

(23 іюля 1911).

Боже, Боже, зачѣмъ Ты забылъ меня? Развѣ Ты не знаешь, что всякій разъ, какъ Ты забываешь меня, я теряюсь.

(опыты).

...Я разгадалъ тетраграмму, Боже, я разгадалъ ее. Это не было *имя* какъ «Павелъ», «Іоаннъ», а былъ *звѣкъ*: и произносился онъ даже *тѣмъ же самымъ индивидуумомъ* не всегда совершенно (абсолютно) одинаково, а чуть-чуть *измѣняясь* въ тѣняхъ, въ гортанныхъ придыханіяхъ... И не *абсолютно одинаково*—разными первосвященниками. Отъ этой нетвердости произношенія въ концѣ концовъ «тайна произнесенія его» и затерялась въ вѣкахъ. Но, по истинѣ, благочестивые евреи и до сихъ поръ иногда произносятъ его, но *только не знаютъ — когда*. Совершенно соотвѣтствуетъ моей догадкѣ и то, что «кто *умѣетъ произнести* тетраграмму — *владѣетъ міромъ*», т. е. черезъ Бога. Въ самомъ дѣлѣ, тайна этого зова заключается въ томъ, что Богъ *не можетъ не отозваться на него*, и «является *тутъ*» со всѣмъ своимъ могуществомъ. Тѣнями проходитъ въ самосознаніи евреевъ и тайна, что не только

имъ Богъ нуженъ, но что и *и они Богу нужны*. Отсюда — этнографическая и религиозная гордость; и что они *требуютъ* у Бога, а не всегда только *просятъ* Его...

Но все это заключено въ зовѣ-вадохѣ... Онъ состоялъ изъ однихъ гласныхъ съ придыханіями.

Толстой прожилъ собственно глубоко *пошлую* жизнь... Это *ему* и на умъ никогда не приходило.

Никакого страданія; никакого «терноваго вѣнца»; никакой героической борьбы за убѣжденія; и даже никакихъ особенно интересныхъ приключеній. Полная пошлость.

Да, — приключенія «со своими идеями»... Ну, ужъ это — антуражъ литературный, и та же пошлость, только вспрыснутая духами.

Мнѣ кажется, Толстого мало любили, и онъ это чувствовалъ. Около него не раздалось, при

смерти, и даже при жизни, ни одного «мучительнаго крика вдругъ», ни того «сумасшедшаго поступка», по которымъ мы распознаемъ настоящую привязанность. «Все было въ высшей степени благоразумно»; и это есть именно печать пошлости.

Я еще не такой подлець, чтобы думать о морали. Милліонъ лѣтъ прошло, пока моя душа выпущина была погулять на бѣлый свѣтъ; и вдругъ бы я ей сказалъ: ты, душенька, не забывайся и гуляй «по морали».

Нѣтъ, я ей скажу: гуляй, душенька, гуляй, славненькая, гуляй, добренькая, гуляй какъ сама знаешь. А къ вечеру пойдешь къ Богу.

Ибо жизнь моя есть день мой, — и онъ именно *мой день*, а не Сократа или Спинозы.

(сатира).

Двигаться хорошо съ запасомъ большой тишины въ душѣ; напримѣръ, путешествовать. Тогда все кажется ярко, осмысленно, все укладывается въ хорошій результатъ.

Но и «сидѣть на мѣстѣ» хорошо только съ запасомъ большого движенія въ душѣ. Кантъ всю жизнь сидѣлъ: но у него было въ душѣ столько движенія, что отъ «сидѣнья» его двинулись міры.

«Счастье въ усиліи», говоритъ молодость.

«Счастье въ покоѣ», говоритъ смерть.

«Все преодолѣю», говоритъ молодость.

«Да, но все кончится», говоритъ смерть.

(Эйдуменъ—Берлинъ, вагонъ).

Даже не знаю, черезъ «ѣ» или «е» пишется «нравственность».

И кто у нея папаша былъ — не знаю, и кто мамаша, и были ли дѣточки, и гдѣ адресъ ея — ничегошенько не знаю.

(о морали. Спб.—Кіевъ, вагонъ).

Мережковскій всегда строитъ изъ чужого матеріала, но съ чувствомъ родного для себя. Въ этомъ его честь и великодушіе.

Отчего идеи мои произвели на Михайловскаго впечатлѣніе *смѣшного*, и онъ сказалъ: «это какъ у Киѣы Мокіевича»; а на Мережковскаго — впечатлѣніе *трагическаго*, и онъ сказалъ: «это такое же бурленіе, какъ у Ницше, это — *конецъ* или во всякомъ случаѣ страшная *опасность* для христіанства». Почему? Мережковскій (явно) понялъ *сильнымъ и честнымъ* умомъ то, чего Михайловскій не понялъ и по безсилію и по недобросовѣстности ума, — ума лѣниваго, чтобы проработать *чужія темы*, темы *не своего лагеря*. Между тѣмъ, «семья» и «родъ», на которыхъ у меня все построено, Мережковскому еще отдаленнѣе и ненужнѣе, чѣмъ Михайловскому; *даже враждебны Мережковскому*.

Но Мережковскій схватилъ душой — не сердцемъ и не умомъ, а *всей* душой — эту мою мысль, уроднилъ ее себѣ; сопоставилъ съ міромъ христіанства, съ зерномъ этого міра — аскетизмомъ; и постигъ цѣлыя міры. Такимъ образомъ онъ «открылъ семью» *для себя*, *внутренно* открылъ, — подъ толчкомъ, подъ указаніемъ моимъ. И это есть въ полномъ значеніи «открытие» *его*, новое для него, вполнѣ и безусловно *самостоятельное*

его открытіе (почему Михайловскій не открылъ?). Я далъ компасъ, и, положимъ, сказалъ, что «на западѣ есть страны». А онъ открылъ Америку. Въ этомъ его уродненіи съ чужими идеями есть великодушіе. И Богъ его наградилъ

(Лука—Петербургъ, вазонъ).

О, мои грустные «опыты»... И зачѣмъ я захотѣлъ *все знать*. Теперь уже я не умру спокойно, какъ надѣялся...

(1911).

«Человѣкъ о многомъ говоритъ интересно, но съ аппетитомъ — только о себѣ» (Тургеневъ). Сперва мы смѣемся этому выраженію, какъ очень удачному... Но потомъ (черезъ годъ) становится какъ-то грустно: бѣдный человѣкъ, у него даже хотятъ отнять право поговорить о себѣ. Онъ не только болей, нуждайся, но... и *молчи* объ этомъ. И остроуміе Тургенева, который хотѣлъ обличить человѣка въ цинизмъ, само кажется цинично.

Я напротивъ замѣчалъ, что *добрыя* отъ *злыхъ* ни по чему такъ нельзя различить, какъ по выслушиванію ими этихъ рассказовъ чужого человѣка о себѣ. Охотно слушаютъ, не скучаютъ — вѣрный признакъ, что этотъ слушающій есть добрый, ясный, простой человѣкъ. Съ нимъ можно водить дружбу. Можно ему довѣриться. Но не надѣйтесь на дружбу съ человѣкомъ, который скучаетъ, васъ выслушивая: онъ думаетъ только о себѣ и занятъ только собою. Столь-же хорошій признакъ *о себѣ* рассказывать: значить, человѣкъ чувствуетъ въ окружающихъ братьевъ себѣ. Рассказъ другому есть выраженіе расположенія къ другому.

Мнѣ очень печально сознаться, что я не любилъ ни выслушивать, ни рассказывать. Не *умѣлъ* даже этого. Это есть тотъ признакъ, по которому я считаю себя дурнымъ человѣкомъ.

Шперкъ мнѣ сказалъ однажды: «не въ намереніяхъ вашихъ, не въ идеяхъ — но *какъ въ челоствѣ* въ васъ есть что-то нехорошее, какая-то нечистая примѣсь, что-то мутное въ организаціи или въ крови. Я не знаю что — но чувствую». Онъ очень любилъ меня (мнѣ кажется, больше остальныхъ людей, — кромѣ ближнихъ). Онъ былъ очень проникателенъ, зналъ «корни вещей». И если это сказалъ, значить это вѣрно.

Дурное въ насъ есть рокъ нашъ. Но нужно

знать *мѣру* этого рока, *направленія* его, и «отсчитывать по градусамъ», какъ говорятъ о термометрахъ, которые тоже врутъ, всѣ, но ученые съ этимъ справляются, внося поправки.

Хотѣлъ-ли бы я быть только хорошимъ? Было-бы, скучно. Но чего я ни за что не хотѣлъ-бы,—это быть злымъ, вредительнымъ. Тутъ я предпочелъ-бы умереть. Но я былъ въ жизни всегда ужасно неуклюжій. Во мнѣ есть ужасное уродство поведенія, до неумѣнія «встать» и «сѣсть». Просто, не знаю *какъ*. И не понимаю, *гдѣ* лучше (сѣсть, встать, заговорить). Никакого сознанія горизонтовъ. Отъ этого въ жизни чѣмъ больше я приближался къ людямъ—становился все неудобнѣе имъ, жизнь ихъ становилась отъ моего приближенія неудобнѣе. И отъ меня очень многіе и притомъ чрезвычайно страдали: безъ всякой моей воли.

Это—рокъ.

Къ вопросу о *неумѣстности* человѣка. Какъ-то стою я въ часовенькѣ, при маленькомъ скверѣ около Владимірской церкви, на Петербургской сторонѣ. Можетъ и въ самой церкви—забылъ—было лѣтъ 14 назадъ. И замѣчаю, что я ничего не слышу, что читаютъ и поютъ,—не слушаю. А пришелъ съ *нампреніемъ* слушать и умилиться. Тогда я подумалъ: «точно я *иностранецъ*—во всякомъ мѣстѣ, въ всякомъ часѣ, гдѣ бы ни былъ, когда бы ни былъ». Все мнѣ

чуждо, и какой-то странной, на *роду* написанной, отчужденностью. Что-бы я ни дѣлалъ, кого-бы ни видѣлъ—не могу ни съ чѣмъ слиться. «Не совокупляющійся человѣкъ»,—духовно. Человѣкъ «solo».

Все это я выразилъ словомъ «иностранецъ», которое у меня прошепталося, какъ величайшее осужденіе себѣ, вакъ величайшая грусть о себѣ, въ себѣ.

Это—тоже рокъ.

«Какими рождаемся—таковы и въ могилку». Тутъ какіе-то особенные законы зачатія. Наслѣдственность. Тутъ какой-то мигъ мысли, туманъ мысли или *безмыслія* у родителей, когда они зачинали меня: и въ ребенкѣ это стало непоправимо.

«Неизбѣжное»...

«Иностранецъ»... «Гдѣ ушибемся, тамъ и болятъ»: не отъ этого ли я такъ безконечно люблю человѣческую *связанность*, людей *въ связанности*, во *взаимномъ милованіи, ласканіи*. Здѣсь мой паѳосъ къ нимъ такъ сказать валить всѣ заборы: ничего я такъ не ненавижу, ничему такъ не враждебенъ, какъ всему, что *раздѣляетъ* людей, что мѣшаетъ имъ *слиться*, соединиться, стать «*въ одно*», надолго, на время—я даже не задаю вопроса. Конечно—лучше на

вѣчность: а если нельзя, то хоть на сколько-нибудь времени. Это — конечно доброта: но не замѣчательно ли, что она вытекла изъ недоброты, изъ личнаго несчастія, порока. Вотъ связь вещей. И какъ не скажешь: «Судьба! Рокъ»...

Съ какой печалью читалъ (августъ 1911 г.) статьи Изгоева объ университетѣ... Авторъ нигдѣ не говоритъ: «забастовки мерзость», хотя и чувствуетъ это, сознаетъ это, говоритъ, но «эзоповымъ языкомъ»... Отчего же онъ *явно* не говоритъ? Студенты—еще мальчики, и отъ того, что онъ *отчетливо* не выговоритъ «мерзость», непременно скажутъ: «и онъ — за забастовку». Какимъ образомъ можно вводить юношество въ такой обманъ и самообманъ?

Отчего эта боязнь?

Какъ темно все вокругъ юношества, какъ мало можно винить его за то, что оно «потеряло голову» и идетъ въ пропасть, среди аплодисментовъ печати.

Подлая печать.

И все это причитанье — «Кассо виновать». Кассо составляетъ всего *одного* подписчика на «Русскую Мысль», а «примыкающіе къ универ-

ситету» читатели — *тысячи* подписчиковъ. И изъ-за нѣсколькихъ сотъ рублей, ну 2—3-хъ тысячъ рублей, дѣлается злодѣяніе надъ молодежью.

Изъ авторовъ «Вѣхъ» только двое — Гершензонъ и Булгаковъ — не разочаровали меня.

И какая это несчастная вещь — писать «обозрѣніе» политики. Какъ не впасть въ ложь. Между тѣмъ вѣдь душа — бессмертна. Какъ выше религія политики.

По фону жизни проходили всякіе лоботрясы: зеленые, желтые, коричневые, въ черной краскѣ...

И Б. всѣхъ ихъ описывалъ: и какъ шелъ каждый, и какъ они кушали свой обѣдъ, и говорили ли съ присюсюкиваніемъ или безъ присюсюкиванія.

Незамѣтно въ то же время по угламъ «фона» сидѣли молчаливыя фигуры... Съ взглядомъ задумавшихся глазъ... Но Б. никого изъ нихъ не замѣтилъ.

(о Боборыкинѣ, «75-лѣтіе»).

Знаете-ли вы, что религія есть самое важное, самое первое, самое нужное? Кто этого не знаетъ, съ тѣмъ не для чего произносить «А» споровъ, разговоровъ.

Мимо такого нужно просто *пройти*. Обойти его *молчаніемъ*.

Но кто это знаетъ? Многіе ли? Вотъ отчего въ наше время почти *нѣ о чемъ* и *нѣ съ кѣмъ* говорить.

Связь пола съ Богомъ—большая, чѣмъ связь ума съ Богомъ, даже чѣмъ связь совѣсти съ Богомъ, — выступаетъ изъ того, что всѣ а-сексуалисты обнаруживаютъ себя и а-теистами. Тѣ самые господа, какъ Бокль или Спенсеръ, какъ Писаревъ или Бѣлинскій, о «полѣ» сказавшіе не больше словъ, чѣмъ объ Аргентинской республикѣ, и очевидно не болѣе о немъ и думавшіе, въ то же время до того изумительно атеистичны, какъ бы никогда до нихъ и вокругъ нихъ и не было никакой религіи. Это буквально «некрещеные» въ какомъ-то странномъ, особенномъ смыслѣ. Суть «метерлинковскаго поворота» за 20—30 лѣтъ заключалась въ томъ, что очень много людей начали

«смотреть въ *корень*» не въ Прутковскомъ, а въ Розановскомъ смыслѣ: сталъ всѣмъ интересенъ *его* полъ, *личный свой* полъ. Вѣроятно тутъ произошло что-нибудь въ сѣмени (и яйцѣ): замѣчательно, что теперь стали *уже рождаться* другими, чѣмъ лѣтъ 60—70 назадъ. Рождается «новая генерація»... Одна умная матушка (А. А. А—ова) сказала разъ: «переломъ теперь въ духовенствѣ всего больше сказывается въ томъ, какое множество *молодыхъ матушекъ* страдаетъ безплодіемъ». Она не договаривала ту мысль, которую черезъ годъ я услышалъ отъ нея: именно, что «не жены священниковъ не зачинаютъ; а что ихъ *мужья не имѣютъ силы зачать въ нихъ*». Поразительно.

Вотъ въ этомъ родѣ что-то произошло и во всей метерлинковской генераціи. Произошло не въ образѣ мыслей, а въ полѣ;— и *уже потомъ и въ образъ мысли*.

Хочу-ли я, чтобы очень распространилось мое ученіе?

Нѣтъ.

Вышло бы большое волненіе, а я такъ люблю покой... и закатъ вечера, и тихій вечерній звонъ.

Мнѣ собственно противны тѣ недостатки, которыхъ я не имѣю. Но мои *собственные недостатки*, когда я ихъ встрѣчаю въ другихъ, нисколько не противны. И я бы ихъ никогда не осудилъ.

Вотъ *граница* всякаго сужденія, т. е. что оно «компетентно» или «некомпетентно»; насколько «на него можно положиться». Всѣ мы «съ хвостиками», но обращенными въ разные стороны.

(за нумизматикой).

Благородное, что есть въ моихъ сочиненіяхъ, вышло не изъ меня. Я умѣлъ только, какъ женщина, воспринять это и выполнить. Все принадлежитъ гораздо лучшему меня человѣку.

Умъ мой и сердце выразились только въ томъ, что я всегда могъ поставить (увидѣть) другого выше себя. И это всегда было легко, даже счастливо. Слава Богу, завидованія во мнѣ вовсе нѣтъ, какъ и «соперничество» всегда было мнѣ враждебно, не нужно, посторонне.

Постоянно что-то дѣлаетъ, что-то предпринимаетъ...

(сери).

Семья есть самая *аристократическая* форма жизни... Да!—при несчастіяхъ, ошибкахъ, «случаяхъ» (вѣдь «случай» бывали даже въ исторіи Церкви) все-таки это единственная аристократическая форма жизни.

Семейный сапожникъ не только счастливѣе, но онъ «вельможнѣе» министра, «расходующаго не менѣе 500 р. при всякомъ докладѣ» («на чай» челяди — слова И. И. Т. мнѣ). Какъ-же этой аристократической формы жизни можно лишать кого-нибудь? А Церковь нерѣдко лишаетъ («запрещенія», «эпитемы», «степени родства» — 7-ая вода на киселѣ). Замѣчательно, что «та книга» начинается съ развода: «*Не ту* женщину имѣешь женою себѣ». — «А тебѣ какое дѣло? Я на тебѣ вшей не считалъ въ пустынѣ». Вотъ уже гдѣ началось разодраніе основныхъ словъ. Никогда Моисей не «расторгъ» ни одного

брака; Ездра «повелѣлъ оставить вавилонянокъ», но за то онъ и былъ только «Ездрую», ни — святой, и ни—пророкъ.

Этому «Ездрѣ» я утеръ-бы носъ костромскимъ платкомъ. Не смѣлъ расторгать браковъ. Не по Богу. Сѣмя Израиля приняли;—и «отторгаться мнѣ отъ лона съ моимъ сѣменемъ» — значить *дѣтубійствовать*.

20 лѣтъ я живу въ непрерывной поэзи. Я очень наблюдателенъ, хоть и молчу. И вотъ я не помню дня, когда-бы не запримѣтилъ въ ней чего-нибудь глубоко поэтического, и видя что или услыша (ухомъ во время занятій)—внутренно навернется слеза восторга или умиленія. И вотъ отчего я счастливъ. И даже отъ этого хорошо пишу (кажется).

(Луца—Петерб., ваюмъ).

Хочу ли я дѣйствовать на жизнь? Имѣть вліяніе?

Не особенно.

ВАША МАМА.

(Дѣтямъ).

И мы прожили тихо, день за днемъ, многіе годы. И это была лучшая часть моей жизни.

(25 февраля 1911 г.).

Мнѣ какъ-то печально (и страшно) при мысли, что «какъ объ умершемъ» и «тѣмъ болѣе былъ писатель» обо мнѣ станутъ говорить съ похвалою.

Можетъ быть это и будетъ основательно: но вѣдь въ оцѣнку не войдетъ «печальный матерьялъ». И получая «не по заслугамъ», мнѣ будетъ стыдно, мучительно, *преступно* «на томъ свѣтѣ».

Если кто будетъ любить меня послѣ смерти, пусть объ этомъ промолчитъ.

(Луца—Петербургъ, вагонъ).

Моя душа сплетена изъ грязи, нѣжности и грусти.

Или еще:

Это—золотыя рыбки, «играющія на солнцѣ», но помѣщенные въ аквариумѣ, наполненномъ навозной жижицей.

И не задыхаются. Даже «тѣмъ паче»... Неправдоподобно. И однако—*такъ*.

Б. всего меня *позолотилъ*.

Чувствую это...

Боже, до чего чувствую.

Каждая моя строка есть священное писаніе (не въ школьномъ, не въ «употребительномъ» смыслѣ), и каждая моя мысль есть священная мысль, и каждое мое слово есть священное слово.

— Какъ вы смѣете?—кричитъ читатель.

— Ну вотъ такъ и «смѣю»,—смѣюсь ему въ отвѣтъ я.

Я весь «въ Провидѣніи»... Боже, до чего я это чувствую.

Когда, кажется на концертѣ Гофмана, я услы-

шалъ впервые «Франческу да Римини», забывшись, я подумалъ: «это моя душа».

Тò мѣсто музыки, гдѣ такъ ясно слышно движеніе крыль (изумительно!!!).

«Это моя душа! Это моя душа!»

Никогда ни въ чемъ я не предполагалъ даже такую *массу внутренняго движенія*, изъ какой собственно сплетены мои годы, часы и дни.

Несусь какъ вѣтеръ, не устаю какъ вѣтеръ.

— Куда? Зачѣмъ?

И наконецъ:

— Что ты любишь?

— Я люблю мои ночныя грезы, прошепчу я встрѣчному вѣтру.

(в глубокой ночи).

Старость, въ постепенности своей, есть развязываніе привязанности. И смерть — окончательный холодъ.

Больше всего, къ старости, начинаетъ томить неправильная жизнь; и не въ смыслѣ, что «мало насладился» (это совсѣмъ не проходитъ на умъ)—но что не сдѣлалъ *должнаго*.

Мнѣ по крайней мѣрѣ идея «долга» только и

начала приходитъ подъ старость. Раньше я всегда жилъ «по мотиву», т. е. по аппетиту, по вкусу, по «что́ хочется» и «что́ нравится». Даже и представить себѣ не могу такого «беззаконника», какъ я самъ. Идея «закона» какъ «долга» никогда даже на умъ мнѣ не приходила. «Только читалъ въ словаряхъ, на букву Д». Но не зналъ, что́ это, и никогда не интересовался. «Долгъ выдумали жестокие люди, чтобы притѣснить слабыхъ. И только дуракъ ему повинуется». Такъ приблизительно...

Только всегда была у меня *жадность*. Но это тоже «аппетитъ» мой; и была благодарность,— какъ мой *вкусъ*.

Удивительно, какъ я удѣлывался съ *ложью*. Она никогда не мучила меня. И по странному мотиву:—«А какое вамъ дѣло до того, что я *въ точности думаю*», «чѣмъ я *обязанъ* говорить свои настоящія мысли». Глубочайшая моя субъективность (паеосъ субъективности) сдѣлала то, что я точно всю жизнь прожилъ за *занавѣскою*, не снимаемою, не раздираемою. «До этой занавѣски никто не смѣетъ коснуться». Тамъ я жилъ; тамъ, *съ собою*, былъ правдивъ... А что́ говорилъ «по сую сторону занавѣски»,—до правды этого, мнѣ казалось, никому дѣлангѣтъ. «Я долженъ говорить *полезное*». «Ваша критика простирается только на то, *пользу-ли* я говорю»,— «да и то

условно: если вредъ—то *не принимайте*». Мой афоризмъ въ 35 лѣтъ: «Я пишу не на гербовой бумагѣ» (т. е. всегда можете разорвать).

Если, тѣмъ не менѣе, я въ большинствѣ (даже веегда, мнѣ кажется) писалъ искренне, то это не по любви къ правдѣ, которой у меня не только не было, но «и представить себѣ не могъ», — а по небрежности. Небрежность—мой отрицательный паеосъ. Солгать,—для чего надо еще «выдумывать» и «сводить концы съ концами», «строить»,—труднѣе, чѣмъ «сказать то, что есть». И я просто «клялъ на бумагу, что есть»: что и образуетъ всю мою правдивость. Она натуральная, но она не нравственная.

«Такъ расту»: «и если вамъ не нравится—то и не смотрите».

Поэтому мнѣ часто-же казалось (и можетъ быть такъ и есть), что я самый правдивый и искренній писатель: хотя тутъ не содержится ни скрупола нравственности.

«Такъ меня устроилъ Богъ».

Сліяніе своей жизни, *fatum*'а, особенно мыслей и, главное, писаній съ Божескимъ «хочу» — было постоянно во мнѣ, съ самой юности, даже съ отрочества. И отсюда, пожалуй, вытекла

моя небрежность. Я потому былъ небреженъ, что какой-то внутренній голосъ, какое-то непреодолимое внутреннее убѣжденіе мнѣ говорило, что все, что я говорю — хочетъ Богъ, чтобы я говорилъ. Не всегда это бывало въ одинаковомъ напряженіи: но иногда это убѣжденіе, эта вѣра доходила до какой-то раскаленности. Я точно весь дѣлался *густой*, душа дѣлалась густою, мысли совсѣмъ приобрѣтали особый строй и «языкъ самъ говорилъ». Не всегда въ такихъ случаяхъ бывало перо подъ рукой: и тогда я *выговаривалъ*, что́ было на душѣ... Но я чувствовалъ, что въ «выговариваемомъ» былъ такой напоръ силы («густого»), что не могли бы стѣны выдержать, сохраниться учрежденія, чужіе законы, чужія тоже «убѣжденія»... Въ такія минуты я чувствовалъ, что говорю какую-то абсолютную правду, и «подъ точь-въ-точь такимъ угломъ наклоненія», какъ это есть въ мірѣ, въ Богѣ, въ «истинѣ въ самой себѣ». Большею частью, однако, это не записалось (не было пера).

Чувства *преступности* (какъ у Достоевскаго) у меня никогда не было: но всегда было чувство безконечной своей *слабости*...

Слабымъ я сталъ дѣлаться съ 7 — 8 лѣтъ...

Это — странная потеря своей воли надъ собою, — надъ своими поступками, «выборомъ дѣятельности», «должности». Напримѣръ, на факультетъ я поступилъ потому, что старшій братъ былъ «на такомъ факультетѣ», безъ всякой умственной и вообще безъ всякой (тогда) связи съ братомъ. Я всегда шелъ «въ отворенную дверь», и мнѣ было все равно, «которая дверь отворилась». Никогда въ жизни я не дѣлалъ *выбора*, никогда въ этомъ смыслѣ не *колебался*. Это было странное безволие и странная безучастность. И всегда мысль: «Богъ со мною». Но «въ какую угодно дверь» я шелъ не по надеждѣ, что «Богъ меня *не оставитъ*», но по единственному интересу «къ Богу, который *со мною*», и по вытекшей отсюда безъ-интересности, «въ какую дверь войду». Я входилъ въ дверь, гдѣ было «жалко» или гдѣ было «благодарно...». По этимъ двумъ мотивамъ все-же я думаю, что я былъ добрый человѣкъ: и Богъ за это многое мнѣ простить.

Сколько у насъ репутацій если не литературныхъ (литературной—ниодной), то журнальныхъ, обмоченныхъ въ юношеской крови. О, если-бы юноши когда-нибудь могли повѣрить, что люди, никогда ихъ не толкавшіе въ это кровавое дѣло

(терроръ), любятъ и *уважаютъ* ихъ, — безцѣнную вѣчную ихъ душу, ихъ темное и милое «будущее» (цѣлый міръ), — больше, чѣмъ эти ихъ «наушники», которымъ они довѣрились... Но никогда они этому не повѣрятъ! Они думаютъ, что одиноки въ мірѣ, покинуты: и что одни у нихъ остались «родные», это — кто имъ шепчетъ: «идите впереди насъ, мы уже стары и дрянцо, а вы — героичны и благородны». Никогда этого шопота дьявола не было разобрано. Некрасовъ, членъ англійскаго клуба, партнёръ милліонеровъ, толкнулъ ихъ болѣе, чѣмъ кто-нибудь, стихотвореніемъ: «отведи меня въ станъ *погибающихъ*». Это стихотвореніе по-истинѣ все омочено въ крови. Несчастіе нашего юношества, правда, нельзя никого себѣ вообразить. Тутъ проявляется вся наша дѣйствительность, «похѣжая (по безмыслію) на сонъ», поддерживавшая въ юношахъ эту черную и горькую мысль («всѣми оставлены»). Въ самомъ дѣлѣ, что они видѣли и слышали отъ чугунныхъ генераловъ, отъ замороженныхъ статскихъ совѣтниковъ, отъ «аршинниковъ-купцовъ», отъ «всего (почти) россійскаго народа». Но можетъ они вспомнятъ старыхъ бабушекъ, старыхъ тѣтей... Вотъ тутъ просвѣтъ. Боже, какъ ужасна наша жизнь, какъ дѣйствительно мрачна.

Чуковский все-таки очень хороший писатель, Но это «хорошее» получаетъ отъ него литература (закапываніе труповъ), но не останется на немъ самомъ. Дѣло въ томъ, что онъ очень полезенъ, но онъ не есть прелестный писатель; а въ литературѣ это—*все*.

Но онъ не есть дурной человекъ, какъ я его старался выставить (портретъ Рѣпина).

(Спб.—Кіевъ, вагонъ).

Человекъ стоитъ на двухъ якоряхъ: родители, ихъ «домъ», его младенчество—это одинъ якорь. «Первая любовь», 13—14 лѣтъ—есть переломъ; предвѣстіе, что потянулъ «другой якорь»... Исходъ и—вѣнецъ; пристань «отчала» и пристань «причала». «Причалъ» *окончательный*—могила; и замѣчательно, что уже любовь подводитъ къ ней. Но любовь—это «опять рожу», и стану для дѣтей «пристанью *отчала*».

По этому *сложенію жизни* до чего очевидно, что genitalia въ насъ важнѣе мозга. «Мозгъ»—

это капитанъ; тотъ, который править. Но для «мореплаванія» очевидно важенъ не капитанъ, лицо смѣняемое или наемное, а вѣковѣчные «отчалы» и «причалы». Остъ-Индская Компанія во всякомъ случаѣ существовала не для удовольствія капитановъ; и не для нихъ—волжское пароходство и хлѣбная торговля.

Т. е. «красота личика» ей-ей важнѣе «способностей ума» для барышни. Да такъ это и есть. Такъ онѣ и чувствуютъ. Но только — *онѣ*. А школа? вся организація воспитанія? — «Зубри квадратныя уравненія» и «рѣки Ю. Америки». «Да притоки-то Рио-де-Лаплаты не упусти». Но какъ понятно и даже какъ хорошо, это онѣ «опускаютъ».

(Луца—Петербургъ, вагонъ).

Какъ «матерой волкъ» онѣ наѣлся русской крови и сытый отвалился въ могилу.

(о Щедринѣ, вагонъ).

Она *родила* и слѣд. имѣла *право родить*. «Мочь» нигдѣ такъ не совпадаетъ съ «я *въ правѣ*», какъ въ дѣтороженіи.

Вашъ же старикъ сказалъ: «я могу, слѣдовательно я *долженъ*». Это онъ разумѣлъ гофратахъ, отправляющихся по утру въ должность, и—еще о молодыхъ людяхъ, могущихъ («а слѣдовательно...») удержаться отъ дѣвушекъ. Положимъ—такъ. Но вѣдь *не иначе* будетъ и въ разсужденіи юношей: «я могу съ нею зачать ребенка, и, слѣдовательно, я *долженъ* его зачать въ ней». Что отвѣтилъ бы на это Кенигсбергскій мудрецъ?

(Луца—Петерб., ваюмъ).

Что такое паеосъ *égalité*? Стоя (въ своемъ мнѣніи) довольно высоко въ литературѣ, я никогда не сталъ-бы ни рваться къ ней, ни избѣгать ея (*égalité*). «Мнѣ все равно»... Но Поприщинъ рвался бы къ *égalité* съ испанскимъ королемъ, и Бобчинскому, конечно, хотѣлось бы быть въ *égalité* съ губернаторомъ. Что-же это значить? Неужели повѣрять, что духъ *égalité* есть тоска всего унаженного, скорбящаго о себѣ, всего «половинчатаго» — до уравненія съ *единицею*?

Дарвинъ, заявивъ *égalité* шимпанзе и чело-вѣка, гораздо болѣе трудился во «французскомъ духѣ», чѣмъ въ англійскомъ (какъ думали; думалъ Н. Я. Данилевскій).

(Луца—Петербургъ, ваюмъ).

Вотъ и я кончаю тѣмъ, что все русское начинаю ненавидѣть. Какъ это печально, какъ страшно. Печально особенно на концѣ жизни.

Эти заспанная лица, неметѣнные комнаты, немощенныя улицы...

Противно, противно.

(Луца—Петерб., вагонъ).

И вездѣ лукавство. «Почему этотъ соня къ тому-же вѣчно вретъ?»

(русскіе; Луца—Петерб., вагонъ).

А для чего имѣть «друга читателя»? Пишу-ли я «для читателя»? Нѣтъ, пишешь для себя.

— Зачѣмъ-же печатаете?

— Деньги даютъ...

Субъективное совпало съ внѣшнимъ обстоятельствомъ.

Такъ происходитъ литература. И только.

(Луца—Петерб., вагонъ).

Странникъ, вѣчный странникъ и вездѣ только странникъ.

(Луца—Петерб., *вазонъ*; о себѣ).

Что-же была та стрѣла, которую постоянно чувствовалъ въ моемъ сердцѣ? И отъ которой въ сущности и происходитъ вся моя литература.

Это—грѣхъ мой.

Черезъ грѣхъ я познавалъ все въ мірѣ и черезъ грѣхъ (раскаяніе) относился ко всему въ мірѣ.

(Луца—Петерб., *вазонъ*).

Всякая любовь прекрасна. И только она одна и прекрасна.

Потому-что на землѣ единственное «въ себѣ самомъ истинное»—это любовь.

Любовь исключаетъ ложь: первое «я солгалъ» означаетъ: «я уже *не люблю*», «я *меньше* люблю».

Гаснетъ любовь—и гаснетъ истина. Поэтому «истинствовать на землѣ» значитъ постоянно и истинно любить.

(Луца—Петерб., вачотъ).

Слава—змѣя. Да не коснется никогда меня ея укусъ.

(за нумизматикой).

Лежать въ тепломъ пескѣ послѣ купанья—это въ своемъ родѣ стоитъ философін.

И лаццарони, вѣчно лежащіе въ пескѣ, почему не отличная философская школа?

(за нумизматикой).

Русская церковь представляетъ замѣчательное явленіе. Лютеранство и католичество во многихъ отношеніяхъ замѣчательнѣе его, но есть отношенія, въ которыхъ оно замѣчательнѣе ихъ. Обратимъ вниманіе, что умы спокойные,

какъ Буслаевъ, Тихонравовъ, Ключевскій, какъ С. М. Соловьевъ,—не искали *ничего въ ней поправить*, и были совершенно ею удовлетворены. Въмѣстѣ съ тѣмъ, это были люди вѣрующіе, религіозные, люди благочестивой жизни въ самомъ лучшемъ смыслѣ,—въ *спокойно-русскомъ*. Они о религіи специально ничего не думали, а всю жизнь трудились, благородствовали, совидали. Религія была какимъ-то боковымъ фундаментомъ, который поддерживалъ всю эту гору благороднаго труда. Нѣтъ сомнѣнія, что, будь они «безвѣрные»,—они не были-бы ни такъ благородны, ни такъ дѣятельны. Религіозный скептицизмъ они встрѣтили-бы съ величайшимъ презрѣніемъ. «Допросы» Православію начинаются ниже (или въ сторонѣ?) этого этажа: отъ умовъ болѣе ѣдкихъ, подвижныхъ и мелочныхъ. Толстой, Розановъ, Мережковскій, Герценъ—уже не Буслаевъ, съ его вечернимъ тихимъ закатомъ. Это—сумятица и буря, это—злость и нервы. Можетъ быть кое-что и замѣчательное. Но не спокойное, не ясное, не гармоничное.

Православіе въ высшей степени отвѣчаетъ гармоничному духу, но въ высшей степени не отвѣчаетъ потревоженному духу. Въ немъ есть, говоря аллегорически, Зевсъ; въ Александрѣ Невскомъ (опять аллегорически) оно получило и Юпитеръ даже «Марса». Въ «петербургскомъ пе-

ріодѣ» (славянофилы)—все строятъ храмы Александру Невскому, этому «Аресу» и вмѣстѣ «Ромулу» Руси, отодвинувъ въ сторону кievскихъ подвижниковъ. Итакъ, Марсъ и Зевсъ (*изъ стихій*)—вотъ Православіе; но нѣтъ въ немъ Афродиты, нѣтъ Юноны, «госпожи дома», Сатурна и далекой мистики.

(на оборотѣ полученнаго письма).

Не додашь чего—и въ душѣ тоска. Даже если не додашь подарокъ.

(Дѣвочка на вокзалѣ, Киевѣ, которой хотѣлъ подарить карандашъ-«вставка»; но промедлилъ, и она съ бабушкою ушла).

А дѣвочка та вернулась, и я подарилъ ей карандашъ. Никогда не видала, и едва могъ объяснить, что за «чудо». Какъ хорошо ей и мнѣ.

Кто съ чистою душою сходитъ въ землю?
О, какъ нужно намъ очищеніе.

(зима 1911 г.).

...тамъ можетъ быть я и «дуракъ» (есть слухи), можетъ быть и «плутъ» (поговариваютъ): но только той *широты* мысли, *неизмѣримости* «открывающихся горизонтовъ» — ни у кого до меня, какъ у меня, не было. И «все самому пришло на умъ», — безъ заимствованія даже іоты. Удивительно. Я прямо удивительный человекъ.

(на подошву туфли; купанье).

Запутался мой умъ, совершенно запутался...
Всю жизнь посвятить на *разрушеніе* того, что *одно* въ мірѣ люблю: была-ли у кого печальнѣе судьба.

(лѣто 1911 г.).

Судьба *березуетъ* тѣхъ, кого она лишаетъ славы.

(зима 1911 г.)

Воображаютъ, что я «поддѣлывался къ начальству». Между тѣмъ какъ странная черта моей психологіи заключается въ такомъ сильномъ ощущеніи *пустоты около себя*, — *пустоты, безмолвія и небытія* вокругъ и *вездѣ*, — что я едва знаю, едва *вѣрю*, едва *допускаю*, что мнѣ «современничаютъ» другіе люди. Это кажется невозможныиъ и нелѣпымъ, но это — такъ.

Почему я такъ «не желаю извѣстности» (или вліянія) и такъ (иногда) тоскую (хотя иногда и хорошо отъ этого бываетъ на душѣ), что «ничего не вышло изъ моей литературной дѣятельности», никто за мной не идетъ, не имѣю «школы»?

Только изъ какого-то страннаго желанія *счастья людямъ*. Судишь всегда «по себѣ» (и иначе невозможно). А «по себѣ» я и сужу, что нельзя быть иначе счастливымъ, какъ *имѣя именно мои мысли*. Я бы очень радъ былъ, если бы «безъ меня обошлось»; и вотъ въ этомъ случаѣ хотя-бы все то же точь-въ-точь написалъ, что

написалъ: но былъ бы уже вполне равнодушенъ, читають или не читають.

Въ этомъ смыслѣ «желаніе вліянія» есть въ тайнѣ очень благородное чувство: *имѣть себя другомъ всѣхъ и имѣть себѣ другомъ цѣлый міръ.*

Только тогда не надо бы подписываться, а я подписываюсь. Это странно. Но, въ смыслѣ благополучія, «Розанова» ругали больше, чѣмъ «Розанова» хвалили: и ругали болѣе уничижительно, мнѣ кажется даже болѣе пронципательно (*въ нѣкоторыхъ точкахъ*), нежели хвалили.

(за подборомъ этихъ замѣтокъ).

Онъ былъ не уменъ и не образованъ; точнѣе—не развитъ: но изумительно талантливъ. «Взялъ» онъ что отъ Витте, или не взялъ—я не знаю. Но онъ безусловно былъ честный человекъ: ибо съ $\frac{1}{10}$ его таланта люди кончали «тайными совѣтниками» и успокоились на рентахъ и пенсіяхъ. Онъ-же умеръ если не нищимъ, то бѣднякомъ.

Но и не по этому одному онъ *безусловно честенъ*: было что-то въ немъ неувловимое, въ

силу чего, даже взявъ его за руку съ вытянутымъ у меня носовымъ платкомъ, я пожалуй-бы ему руку и сказалъ-бы: «Сережа, это что-то случайное: вѣдь я зналъ и знаю *сейчасъ*, что ты одинъ изъ чѣстнѣйшихъ людей въ Россіи». И онъ расплакался-бы слезами ангела, которыми вотъ никогда не заплачетъ «честный» Кутлеръ, сидящій на 6-ти-тысячной пенсіи.

(о Шарановѣ, когда онъ умеръ).

Я не спорщикъ съ Богомъ и не измѣню Ему, когда Онъ по молитвѣ не далъ мнѣ «милости»: я люблю Его, преданъ Ему. И что бы Онъ ни дѣлалъ—не скажу хулы, а только буду плакать о себѣ.

(зрѣстное лѣто 1911; рука все не движется)

Душа православія — въ дарѣ молитвы. Тѣло его—обряды, культъ. Но кто подумалъ-бы, что кромѣ обрядовъ въ немъ и нѣтъ ничего (Гарнакъ, дерптець-берлинецъ) — тотъ всетаки при всяческомъ умѣ не понялъ-бы въ немъ ничего.

(лѣто 1911 г.)

Кто любить народъ, русскій — не можетъ не любить церкви. Потому что народъ и его церковь—одно. И только у русскихъ это—одно.

(лето 1911 г.).

Никакого интереса къ реализаціи себя, отсутствіе всякой внѣшней энергіи, «воли къ бытію». Я—самый не реализующійся человѣкъ.

Нѣсколько прекрасныхъ писемъ отъ Горькаго этотъ годъ. Онъ прекрасный человѣкъ. Но если всѣ другіе «лѣвые» такъ же видятъ, такъ же смотрятъ: то, прежде всего, противъ «нашего горизонта»—какой это сѣуженный горозинтъ! Неужели это правда, что разница между радикализмомъ и консерватизмомъ есть разница между узкимъ и широкимъ полемъ зрѣнія, между «близорукостью» и «дальнозоркостью». Если такъ, то вѣдь значить мы побѣдимъ? Между тѣмъ, никакой на это надежды.

(лето 1911).

Рокъ Горькаго—что онъ попалъ *въ славу*, въ *верхнее положеніе*. Между тѣмъ по натурѣ это— боецъ. Съ кѣмъ-же ему бороться, если «всѣ повалены», не съ Грингмутомъ же, не съ Катковымъ? Не съ кн. Мещерскимъ, о самомъ *бытіи* котораго Горькій едва-ли что зналъ.

И руки повисли.

Боецъ умеръ внѣ боя. Я ему писалъ объ этомъ, но онъ до странности не понялъ ничего въ этой мысли.

Трехъ людей я встрѣтилъ умнѣе или, вѣрнѣе, даровитѣе, оригинальнѣе, самобытнѣе себя: Шперка, Рцы и Фл—го. Первый умеръ мальчикомъ (26 л.), ни въ чемъ не выразившись; второй былъ «Тентетниковъ», просто грѣвшій на солнышкѣ брюшко. «Иванъ Ивановичъ, который играетъ на скрипкѣ», опредѣлялъ онъ себя (иносказательно, въ одной статьѣ). Замѣчательное въ ихъ *умѣ*, или вѣрнѣе — въ ихъ *душѣ*, въ ихъ *метафизической (до рожденія)*

опытности, — было то, что они не знали ошибокъ; ихъ сужденія можно было принимать «въ слѣпую», не провѣряя, не раздумывая. Ихъ слова, мысли, сужденія, самыя коротенькія, освѣщали частю цѣлую міровую область. Всѣ были почти славянофилы, но въ сущности—не славянофилы, а—*одиночки*, «я»...

Прочіе изъ знаменитыхъ людей, какихъ я встрѣчалъ: Рачинскій, Страховъ, Толстой, Побѣдоносцевъ, Соловьевъ, Мережковскій,—не были сильнѣе меня...

Мнѣ почувствовалось что-то очень *сильное* и *самостоятельное* въ Тиграновѣ (книжка о Вагнерѣ). Но мы видѣлись только разъ, и притомъ я былъ въ тревогѣ и не могъ внимательно ни смотрѣть на него, ни слушать его. Объ этомъ скажу, что «можетъ быть даровитѣе меня»...

Столпнеръ былъ *очень уменъ*, и въ *отдѣльныхъ сужденіяхъ*—сильнѣе меня; но *въ общемъ* сильнѣе меня не былъ.

Да... Еще сильнѣе себя я чувствовалъ Константина Леонтьева (переписка съ нимъ).

Но надъ всѣми перечисленными я имѣлъ преимущества хитрости (русское «себѣ на умѣ»), и можетъ быть отъ этого не погибъ (литературно), какъ эти несчастные («неудачники»). Съ дѣтства, съ моего испуганнаго и замученнаго дѣтства, я взялъ привычку молчать (и вѣчно думать). «Все молчу... и все слушаю... и все думаю... И дураковъ, и рѣчи этихъ ум-

ницъ... И все бывало во мнѣ зрѣть, медленно и тихо... Я никуда не торопился, «полежать бы»... И отъ этой неторопливости, въ то время какъ у нихъ все «порвалось» или «не дозрѣло», у меня и не порвалось, и, я думаю, дозрѣло. Сравнительно съ «Рцы» и Шперкомъ какъ обширно развернулась моя литературная дѣятельность, сколько уже издано книгъ... Но за всю мою жизнь никакіе печатные отзывы, никакіе дифирамбы (въ той же печати) не дали мнѣ этой спокойной, хорошей гордости, какъ дружба и (я чувствовалъ) уваженіе (отъ Шперка—и любовь) этихъ трехъ людей.

Но какова судьба литературы: отчего-же они такъ не знамениты, отвергнуты, забыты?

Шперкъ, точно предчувствуя свою судьбу, говаривалъ: «Вы читали (кажется) Грубера? Нѣтъ? Ужасно люблю отыскать что-нибудь его. *Меня вообще манятъ* писатели безвѣстные, оставшіеся незамѣченными. Что были за люди? И такъ радуешься, встрѣтивъ у нихъ необычайную и преждевременную мысль». Какъ это просто, глубоко и прекрасно.

Еще помню его афоризмъ о дѣтяхъ: «Дѣти тѣмъ отличаются отъ насъ, что воспринимаютъ все съ такою силою реализма, какъ это недоступно взрослымъ. Для насъ «стулъ» есть подробность «мебели». Но дитя категоріи «мебели» не знаетъ: и «стулъ» для него такъ огроменъ и живъ, какъ не можетъ быть для насъ. Отъ

этого, дѣти наслаждаются міромъ гораздо больше насъ»...

Еще удивительное сужденіе: — «Житейское правило, что *дѣти должны уважать родителей, а родители должны любить дѣтей*, нужно читать наоборотъ: родители именно должны *уважать дѣтей*, — уважать ихъ своеобразной мірокъ и ихъ пылкую, готовую оскорбиться каждую минуту, натуру; а дѣти должны только *любить* родителей, — и уже непременно они будутъ любить ихъ, разъ почувствуютъ это *уваженіе къ себѣ*».

Какъ это глубоко и какъ ново.

Толстой... Когда я говорилъ съ нимъ, между прочимъ, о семьѣ и бракѣ, о полѣ, — я увидѣлъ, что во всемъ этомъ онъ путается, какъ переписывающій съ прописей гимназистъ между «И» и «І» и «Й»; и, въ сущности, ничего въ этомъ не понимаетъ, кромѣ того, что «надо удерживаться». Онъ даже не умѣлъ эту ниточку — «удерживайся» — развернуть въ прядочки льна, изъ которыхъ она скручена. Ни — анализа, ни — способности комбинировать; ни даже — *мысли*, одни восклицанія. Съ этимъ нельзя взаимодействовать, это что-то imbecile...

Въ С — вѣ то только интересное, что «бѣсенокъ сидѣлъ у него на плечѣ» (въ Балтійскомъ морѣ). Объ этомъ стоило поговорить. Загадочна и *глубока* его тоска; то, о *чемъ онъ молчалъ*. А

слова, *написанное* — все самая обыкновенная журналистика («бранделясы»).

Онъ несъ передъ собою свою *гордость*. И она была — *ничто*. Лучшее въ себѣ, *грусть*, — онъ о ней промолчалъ.

Побѣдоносцевъ былъ прекрасный человѣкъ; но ничѣмъ не выразилъ, что имѣлъ «прекрасный, *самородный русский умъ*». Былъ настолько обыкновененъ, что не истопталъ своего профессорства.

Передъ нимъ у меня есть вина: я *не смѣлъ* о немъ писать дурно послѣ смерти. Хотя объективно тамъ и есть правильное, — но я былъ въ этихъ писаніяхъ *не благороденъ*. Рачинскій былъ сухой и *аккуратный умъ*, безъ всего новаго и оригинальнаго.

Литература (*печать*) прищемила у человѣка *самолюбіе*. Всѣ стали *бояться* ея; всѣ стали *ждать* отъ нея. «Эти мошенники, однако, раздаютъ монтионовскія преміи». И вотъ откуда выросла ея *сила*.

Сила ея оканчивается тамъ, гдѣ человѣкъ *смежаетъ на нее глаза*. «Шестая держава» (Наполеонъ о печати) обращается вдругъ въ сѣренькую, хилую деревушку, какъ только, повернувшись къ ней спиною, — вы *смотрите на дѣла*, а не на ландкарту съ надписью «шестая держава».

...а вѣдь по существу-то — Боже! Боже! — въ душѣ моей вѣчно стоялъ монастырь.

Неужели же мнѣ нужна была площадь?
Брррр...

Вотъ чего я совершенно и окончательно не знаю: «что-нибудь я», или—*ничто*? Какой-то паръ надуваетъ меня, и тогда кажется, что — «что-то». Но «развивается длинный свитокъ» (Пушкинъ), и тогда выходитъ—«ничто».

(Спб.—Кіевъ, ваюмъ).

«Что ты все думаешь о себѣ. Ты-бы подумалъ о людяхъ».

— Не хочется.

(Спб.—Кіевъ, ваюмъ).

Ахъ, люди:—пользуйтесь каждымъ-то вечеркомъ, который выйдетъ яснымъ. Скоро жизнь

проходить, пройдетъ, и тогда скажете: «насладился-бы», а ужъ нельзя: боль есть, грусть есть, «некогда»! Нумизматика — хорошо и нумизматику; книга — пожалуй, и книгу.

Только не пишите ничего, не «старайтесь»: жизнь упустите, а написанное окажется «глупость» или «не нужно».

Да, можетъ быть и невѣренъ «планъ зданія»: но уже оно бережетъ насъ отъ дождя, отъ грязи: и какъ *начать рубить* его?

(вазонъ; о церкви).

Голова моя качается подъ облаками.
Но какъ слабы ноги.

Во *многихъ отношеніяхъ* я понимаю язычество, юдаизмъ и христіанство полнѣе, *сердцевиннѣе*, чѣмъ они понимались въ классическую пору расцвѣта собственными исповѣдниками.

И, между тѣмъ, я только — «житейскій чело-вѣкъ сегодняшняго дня», со всѣми его слабостями,

съ его великимъ анти-историческимъ «не хочется»...

Но тутъ тайна діалектики: «мой-сегодняшній день», въ который я упёрся съ силою, какъ, я думаю, никто *до меня*, — и далъ мнѣ всю силу и все проицаніе. Такъ что «изъ слабости *изошла сила*», и «отъ *такой* силы—*вышла обратно слабость*».

«Текущее поколѣніе» не тò, что бы не имѣеть «большого значенія»: но—и совершенно *никакого*. Минеть 60 лѣтъ, «одинъ вздохъ исторіи»,—и отъ него останется не больше, чѣмъ отъ мумій временъ Сезостриса. Чтò мы знаемъ о людяхъ 20-хъ годовъ (XIX-го в.)? Только одно то, чтò говорилъ Пушкинъ. Вотъ *его* каждую строчку знаемъ, помнимъ, учимся надъ нею. А его «современники» и существовали *для своего времени*, для нашего-же ровно *никакъ* не существуютъ. Изъ этого выводъ: живи и трудись *какъ-бы никого не было*, какъ-бы не было у тебя вовсе «современниковъ». И если твой трудъ и мысли цѣнны—они одолѣютъ все, что вокругъ тебя ненавидитъ тебя, презираетъ, усиливается затоптать. Сильнѣйшій и есть сильнѣйшій, а слабѣйшій и есть слабѣйшій. Это мать «друга» говоривала (въ Ельцѣ): «*правда свѣтлѣе солнца*».

И живи для нея: а люди пусть идутъ куда знаютъ.

Что-же ты любишь, чудакъ?—Мечту свою.

(вазонъ; о себѣ).

Когда я сижу у д-ра, то всегда на уголкѣ стула, и мысленно шенчу: «не хочется-ли вамъ выдрать меня за ухо—пожалуйста», или «дать пощечину — пожалуйста, пожалуйста, я терпѣливъ, и даже съ удовольвіемъ: но только ужъ послѣ этого постарайтесь и вылечите». Почему-то у меня о всѣхъ болѣзняхъ существуетъ представленіе, что онѣ неизлечимы, и отъ этого я такъ трепеталъ всегда звать доктора; г^о уже 39, бредъ,—«ну, это такъ, это простуда, сейчасъ азригіні 5 гг., уксусомъ растереть, горчишникъ, слабительное», и вообще «домашнее» и «пройдетъ». А «позвалъ д-ра»—это *болѣзнь*, и почему-то всегда идея—«она неизлечима». А у доктора Рентельна, передъ 3-ей операціей, я только согнулъ тѣло, чтобы имѣть видъ сидящаго, у самой двери, но не дотронулся до сидѣнья. Онъ говорилъ медленно:

«Фистула... и нужно отрѣзать шейку матки... И вообще уменьшить, пообчистить (срѣзая?!!) матку».

Но, Боже мой: *ракъ* всегда и появляется «на шейкѣ матки» и разъ ее «отрѣзать»—значить *ракъ*...

Какъ я тогда дотащился до дому, не помню...

Вотъ и совѣмъ прошла жизнь... Остались немногіе хмурые годы, старые, тоскливые, ненужные...

Какъ все становится ненужно. Это главное ощущеніе старости. Особенно—вещи, предметы: одежда, мебель, обстановка.

Каковъ-же *итогъ* жизни?

Ужасно мало смысла. Жилъ, когда-то *радовался*: вотъ главное. «Что вышло?» Ничего особеннаго. И особенно какъ-то *ненужно*, чтобы что-нибудь «вышло». Безвѣстность—почти самое желаемое.

Что самое лучшее въ прошедшемъ и давно-прошедшемъ? Свой хорошій или мало-мальски порядочный поступокъ. И еще—добрая встрѣча: т. е. узнаніе добраго, подходящаго, милаго человѣка. Вотъ это въ старости ложится свѣтлой, свѣтлой полосой, и съ такимъ утѣшеніемъ смотришь на эти полосы, увы, немногія.

Но шумныя удовольствія (у меня немного)? такъ называемыя «наслажденія»? Они были пріятны только въ моментъ полученія, и не имѣютъ никакого значенія для «потомъ».

Только въ старости узнаешь, что «надо было хорошо жить». Въ юности это даже не приходитъ

на умъ. И въ зрѣломъ возрастѣ—не приходитъ. А въ старости воспоминаніе о добромъ поступкѣ, о ласковомъ отношеніи, о деликатномъ отношеніи—единственный «свѣтлый гость» въ «комнату» (въ душу).

(глубокой ночью).

Да что-же и дорого-то въ Россіи, какъ не старыя церкви. Ужъ не канцеляріи-ли? или не редакціи-ли? А церковь старая-старая, и дьячекъ—«не очень», всѣ съ грѣшкомъ, слабенькіе. А *тепло только тутъ. Отчего-же тутъ тепло, когда вездѣ холодно?* Хоронили *тутъ* мамашу, братцевъ: похоронять меня; будутъ тутъ-же жениться дѣти; все—*тутъ...* Все *важное...* И вотъ люди надышали *тепла*.

Въ «другѣ» Богъ далъ мнѣ встрѣтить чело-вѣка, въ которомъ я никогда не усумнился, никогда не разочаровался. Забавно, однако, что не проходило дня, чтобы мы не покричали другъ на друга. Но за вечерній часъ никогда не переходила наша размолвка. Обычно я или она че-

резъ $\frac{1}{2}$ часа уже подходили съ извиненіемъ за грубость (выкрикъ).

Никогда, никогда между нами не было гнѣва или неуваженія.

Никогда!!! И ни на одинъ *полный день*. Ни разу за 20 лѣтъ день нашъ не закатился въ «раздѣленіи»...

(глубокой ночью).

Тихія, темныя ночи...

Испугъ преступленья...

Тоска одиночества...

Слезы отчаянья, страха и пота труда...

Вотъ ты, религія...

Помощь согбенному...

Помощь усталому...

Вѣра больного...

Вотъ твои корни, религія...

Вѣчные, чудные корни...

(за корректурой фелетона).

«Все произошло черезъ плаценту», сказалъ Шернваль. Въ $17\frac{1}{2}$ лѣтъ, — когда *въ этихъ се-*

щазъ она и теперь, въ 47 лѣтъ, какъ ребенокъ. «Отчего рука виситъ?!» — и никакой другой заботы, кромѣ руки. Докторъ насмѣшливо: — «Вотъ больше всего ихъ беспокоитъ рука. Но вѣдь это же ничего, у васъ даже и недвижна-то *левая*»...

И курить папироску въ какой-то задумчивости.

Болитъ душа, болитъ душа, болитъ душа...

И что дѣлать съ этой болью—я не знаю.

Но только *при боли* я и согласенъ жить...

Это есть самое дорогое мнѣ и во мнѣ.

(глубокой ночью).

Уже года за три до 1911 г. мой безымянный и вѣрный другъ, которому я всѣмъ обязанъ, говорилъ:

— Я чувствую, что не долго еще проживу...

Давай, эти немногіе годы проживемъ хорошо...

И я весь замиралъ. Едва слышно говорилъ: «да, да!»

Но въ дѣйствительности этого «да» не выходило.

ВАША МАМА.

(дѣтямъ).

— Я отрѣзала косу, потому что она мнѣ не нужна.

Чудная каштановая коса. Теперь волосы торчатъ, какъ мышинный хвостикъ.

— Зачѣмъ? И не спросясы! Это *мнѣ* обида. Точно ты что *бросила отъ себя*, и — такое, что было *другимъ хорошо*...

— Я все потеряла. Зачѣмъ же мнѣ коса? Гдѣ моя шея? гдѣ мои руки? Ничего не осталось. И я бросила косу.

(Въ день причастія, поздно вечеромъ).

Мнѣ же показалось это, какъ и все теперь кажется, какимъ-то предсмертнымъ жестомъ.

(25 февраля 1911).

Къ 56-ти годамъ у меня 35.000 руб. Но «другъ» болѣетъ... И все какъ-то не нужно.

Все-же у нея «другомъ» былъ дѣйствительно я: у меня одного текутъ слезы, текутъ и не могутъ остановиться...

Дѣти... Какъ мало имъ нужны родители, когда они сами входятъ въ возрастъ: товарищи, своя жизнь, будущее—такъ это волнуетъ ихъ...

Когда мама моя умерла, то я только то понималъ, что можно закурить папиросу открыто. И сейчасъ закурилъ. Мнѣ было 13 лѣтъ.

20 лѣтъ какъ «журчащій свѣжій ручеекъ» я бѣжалъ около гроба...

И еще раздражался: отчего вокругъ меня не весело, не цвѣтутъ цвѣты. И такъ поздно узнать все...

...да, я приобрѣлъ «знаменитость»... О, какъ хотѣлъ бы я изодрать зубами, исцарапать ног-

тями эту знаменитость, всадить въ нее свой гнилой зубъ, послѣдній зубъ.

И все поздно...

О, какъ хотѣлъ бы я вторично жить, съ единственной цѣлью—*ничего не писать*.

Эти строки — они отняли у меня все; они отняли меня у «друга», ради котораго я и долженъ былъ жить, хотѣлъ жить, хочу жить.

А «талантъ» все толкалъ писать и писать.

(в. глубокой ночью).

И бредеть-бредеть моя бродулька по лѣстницѣ, все ступаетъ впередъ одной правой ногой, меня не видитъ за поворотомъ, а я вижу: лицо покраснѣлось, и оживленно говоритъ поддерживающей горничной: «Вотъ... (не помню) сегодня внесла сто рублей доктору. Ободрала совсѣмъ В. В-ча». — «Совсѣмъ ободрала», смѣюсь я сверху, сбѣгая внизъ. «Какія-же сто рублей ты внесла: внесу я, и не сегодня, а только на этой недѣлѣ».

Но для нея одна забота, впередъ бѣгущая за семь дней, что на болѣзнь ея выходитъ много денегъ. Она засмѣялась, и мы и больно и весело вошли въ прихожую. Ахъ, моя бродулька, бродулька: за твердую походку я даль-бы тысячи... и за все здоровье отдалъ-бы все.

— «Этого мнѣ теперь ужъ ничего не нужно. Нужно, чтобы ты былъ здоровъ и дѣти устроены и поставлены».

(3-го ноября 1911, передъ консилиумомъ, въ отвѣтъ на обѣщаніе, въ которомъ мною лѣтъ отказывалъ,—на счетъ рисовки монетъ).

Я говорилъ о бракѣ, бракѣ, бракѣ... а ко мнѣ все шла смерть, смерть, смерть.

Страшное одиночество за всю жизнь. Съ дѣтства. Одинокія души суть затаенныя души. А затаенность—отъ порочности. Страшная тяжесть одиночества. Не отъ этого ли боль?

Не только отъ этого.

27 ноября скончалась, 85 лѣтъ отъ роду, въ Ельцѣ, «наша бабушка», — *Александра Андріановна Руднева*, урожденная Жданова. Ровно 70 лѣтъ она несла трудъ для другихъ, — уже въ 15 лѣтъ опредѣливъ себѣ то замужество, которое было-бы удобнѣе для оставшагося на рукахъ ея малолѣтняго брата. Оба — круглые сироты. И съ этого времени, всегда веселая, только «бѣгая въ церковь», уча окружающихъ ребятъ околицы — «грамотѣ, Богу, Царю и отечеству», ибо въ «ѣ» была сама не тверда, — она какъ нескончаемая свѣчка катакомбъ (свѣчка клубкомъ) свѣтила, грѣла, ласкала, трудилась, плакала—много плакала (††...)—и только «церковной службой» вытирала глаза себѣ (утѣшеніе). Пусть эта книга будетъ посвящена ей; и *рядомъ съ нею* — моей бѣдной матери, *Надеждѣ Васильевнѣ Розановой*.

Она была совсѣмъ другою. Вся истерзанная, — безсиліемъ, вихремъ замутнённыхъ чувствъ... Но она не знала, что когда потихоньку вставала съ кровати, гдѣ я съ нею спалъ (лѣтъ 6 — 7 — 8): то я не засыпалъ еще и слышалъ, какъ она молилась за всѣхъ насъ, безмолвно, потомъ становился слышенъ шопотъ... громче,

громче... пока возгласы не вырывались съ какимъ-то свистомъ (легкимъ).

А днемъ опять суровая и всегда суровая. Во всемъ нашемъ домѣ я не помню никогда улыбки.

Томительно, но не грубо свистить вентиляторъ въ корридорчикѣ: я заплакалъ (почти): «да вотъ чтобы слушать его — я хочу еще жить, а главное *другъ* долженъ жить». Потомъ мысль: «неужели онъ (*другъ*) на томъ свѣтѣ не услышитъ вентилятора»; и жажда безсмертія такъ схватила меня за волосы, что я чуть не присѣлъ на полъ.

(глубокой ночью).

О добротѣ нашего духовенства: сколько я имъ коростъ засыпалъ за воротникъ. Но между тѣми, кто зналъ меня, да и изъ *назавшихъ* — *многіе*, отнеслись — «отвергая мои идеи», враждуя съ ними въ печати и устно — не только добро ко мнѣ, но и любяще (Устьянскій, Филевскій, цензоръ Лебедевъ, Побѣдоносцевъ, М. П. Соловьевъ, свящ. Дроздовъ, Акимовъ, Цѣликовъ,

проф. Глубовскій, Н. Р. Щербова. А. А. Альбова). Исключеніемъ былъ только С. А. Рачинскій, *одинъ*, который «возненавидѣлъ брата своего» (послѣ статей о бракѣ въ «Рус. Трудѣ» и въ «С.-Петербур. Вѣдом.»). Чего: Гермогенъ, требовавшій лѣтомъ отлучить меня, въ ноябрѣ-декабрѣ *дважды* просился со мной увидѣться. Епископъ Сергій (Финляндскій), знавшій (изъ одного ему пересланнаго Федоровымъ письма моего) о «всемъ возмутительномъ моемъ образѣ мыслей» — тѣмъ не менѣе, когда «другъ» лежалъ въ Евангелической (лютеранской) больницѣ послѣ 3-ей операціи, пріѣхалъ посѣтить ее, и пріѣхалъ по заботѣ митрополита Антонія, *вовсе ее ни разу не выдаваго*, и который и меня-то раза 2 — 3 видѣлъ, безъ всякихъ интимныхъ бесѣдъ. И вездѣ — деликатность, вездѣ — тонкость: послѣ такой моей *страшной вражды къ нимъ*, и совершенно *непереносимыхъ обвиненій*. Но свѣтскіе: какими они ругательствами («Передоновъ», «двурушникъ», «съ нимъ нельзя садиться за одинъ столъ и вести одну работу» etc. etc.) меня осыпали, едва я проводилъ рукою «противъ шѣрстки» ихъ партіи. Изъ этого я усмотрѣлъ, до чего Церковь *теплѣе* свѣтской жизни en masse: сердечнѣе, душевнѣе, примиреннѣе, прощающѣе. И если тамъ былъ огонь (инквизиція), то все таки это не плаха позитивистовъ: холодная, и съ *холоднымъ желѣзомъ*...

И я бросился (1911 г., конецъ) къ Церкви:

одно въ мірѣ *теплое, последнее теплое* на землѣ...

Вотъ моя біографія и судьба.

(9 декабря 1911.)

P. S. Религіозный человекъ выше мудраго, выше поэта, выше побѣдителя и оратора. «Кто молится» — побѣдитъ всѣхъ, и *святые* будутъ побѣдителями міра.

Иду въ Церковь! Иду! Иду!

(Тотъ-же день и часъ).

P. P. S. Никогда моя нога не будетъ на одномъ полу съ позитивистами, никогда! никогда! И никогда я не хочу съ ними дышать воздухомъ одной комнаты!

P. P. P. S. Лучше суевѣріе, лучше глупое, лучше черное, но съ *молитвой*. Религія, или — ничего. Это борьба и крестъ, посохъ и палица, пика и могила.

Но я вѣрю, «святые» побѣдятъ.

P. P. P. P. S. Лучшие люди, какихъ я встрѣчалъ, — нѣтъ, какихъ я *нашелъ* въ жизни: «другъ», великая «бабушка» (Ал. Андр. Руднева), «дяденька», Н. Р. Щербова, А. А. Альбова, свящ. Устьянскій, — всѣ были *религіозные* люди; глубочайшіе умомъ, Флоренскій, Рцы, — религіозны же. Вѣдь это чтó нибудь да значить? Мой выборъ *рѣшенъ*.

Молитва — или ничего.

Или:

Молитва — и игра.

Молитва — и пиры.

Молитва — и танцы.

Но въ сердцеви́нѣ всего — молитва.

Есть «молящійся человѣкъ» — и можно все.

Нѣтъ «его» — и ничего нельзя.

Это мое «credo», — и да сойду я съ нимъ въ гробъ.

Я начну великій танецъ молитвы. Съ длинными трубами, съ музыкой, со всѣмъ: и *все будетъ дозволено*, потому-что *все будетъ замолено*. Мы *все сдѣлаемъ*, потому-что послѣ всего *поклонимся Богу*. Но не сдѣлаемъ лишняго, сдержимся, никакого «карамазовскаго»: ибо и «въ танцахъ» мы будемъ помнить Бога и не захотимъ огорчить Его.

«Съ нами Богъ» — это вѣчно.

Торгъ, вездѣ торгъ, въ литературѣ, въ политикѣ, — торгъ о *слави*; торгъ о *деньгахъ*: а упрекають поповъ, что они «торгуютъ восковыми свѣчами» и «деревяннымъ масломъ». Но у этихъ «торгъ» въ $\frac{1}{10}$ и они не образованы:

а у свѣтскихъ въ $\frac{9}{10}$, хотя они и «просвѣ-
щены».

(13 декабря 1911 г.).

Почему я такъ сержусь на радикаловъ?
Самъ не знаю.

Люблю-ли я консерваторовъ?

Нѣтъ.

Что со мною? Не знаю. Въ какомъ-то недо-
умѣніи.

(14 декабря 1911 г.).

26-го августа 1910 г. я сразу состарѣлся.

20 лѣтъ стоялъ «въ полднѣ». И сразу 9
часовъ вечера.

Теперь ничего не нужно, ничего не хочется.
Только могила на умѣ.

(14 декабря 1911 г.).

Никакого интереса въ будущемъ.

Потому что никакого интереса ужъ не раз-

дѣлать «другъ». Интересъ нуженъ «вдвоемъ»: для *одного* — нѣтъ интереса.

Для «одного» — могила.

(14 декабря 1911 г.).

Дѣйствительно, я чудовищно лѣнивъ читать. Напр., Философова статью о себѣ (въ сборникѣ) прочелъ 1-ую страницу; и только этотъ годъ, прибирая книги послѣ дачи (пыль, классификація) — наткнулся, раскрылъ и прочиталъ, не вставая съ полу, остальное (много вѣрнаго). Но отчего же, втайнѣ, я такъ мало читаю?

1.000 причинъ; но главная — все-таки это: мѣшаетъ думать. Моя голова, собственно, «закружена», и у меня нѣтъ силъ выйти изъ этой закруженности.

Я жадно (безумно) читалъ въ гимназіи: но уже въ университетѣ дальше начала книгъ «не ходилъ» (Моммзенъ, Блюнчли).

Собственно, я родился странникомъ; странникомъ-проповѣдникомъ. Такъ въ Іудеѣ бывало «цѣлая улица пророчествуетъ». Вотъ я *одинъ* изъ такихъ; т. е. людей *улицы* (среднихъ) и «во пророкахъ» (безъ миссіи *переломить* напр. судьбу народа). «Пророчество» не есть у меня для *русскихъ*, т. е. фактъ исторіи нашего народа, а — мое *домашнее обстоятельство*, и относится

только до меня (безъ значенія и вліянія); есть частность моей біографіи

Я рѣшительно не могу остановиться, удержаться, чтобы не говорить (писать): и все мѣшающее отбрасываю нетерпѣливо (дѣла житейскія) или выраниваю изъ рукъ (книги).

Эти говоры (шѣпоты) и есть моя «литература». Отсюда столько ошибокъ: дойти до книги и раскрыть ее и справиться — для меня труднѣе, чѣмъ написать цѣлую статью. «Писать» — наслажденіе: но «справиться» — отвращеніе. Тамъ «крылья несутъ», а тутъ — долженъ работать: но я вѣчный Обломовъ.

И я утѣшался въ этомъ признанномъ положеніи, на которое *всѣ дали свое согласіе*: что вѣдь вообще *«міръ есть мое представленіе»*. По этому тезису я вовсе не обязанъ «справляться» и писать вѣрно исторію или географію: а писать — «какъ мнѣ представляется». Не будь Шопенгауэра, мнѣ можетъ было бы стыдно: а какъ есть Шопенгауэръ, то мнѣ «слава Богу».

Изъ Шопенгауэра (пер. Страхова) я прочелъ тоже только первую половину первой страницы (заплативъ 3 руб.): но на ней-то *первою строкою* и стоитъ это: *«Міръ есть мое представленіе»*.

— Вотъ это хорошо, подумалъ я по-обломовски. *«Представимъ»*, что дальше читать очень трудно и вообще для меня, собственно, не нужно.

(14 декабря 1911 г.).

Могила... знаете-ли вы, что смыслъ ея побѣ-
дить цѣлую цивилизацію...

Т. е. вотъ равнина..., поле..., ничего нѣтъ, ни-
кого нѣтъ... И этотъ горбикъ земли, подъ
которымъ зарытъ человѣкъ. И эти два слова:
«зарытъ человѣкъ», «человѣкъ умеръ», своимъ
потрясающимъ смысломъ, своимъ великимъ
смысломъ, стонающимъ... преодолѣваютъ всю
планету, — и важнѣе «Иловайскаго съ Атиллами».

Тѣ всѣ топтались... Но «человѣкъ умеръ», и
мы даже не знаемъ — *кто*: это до того ужасно
слезно, отчаянно... что вся цивилизація въ умѣ
точно перевертывается, и мы не хотимъ «Атиллы
и Иловайскаго», а только сѣсть на горбикъ (†)
и выть на немъ униженно, собакою...

О, вотъ гдѣ *гордость* проходить.

Проклятое свойство.

Не даромъ я всегда такъ ненавиждѣлъ тебя.

(14 декаб. 1911).

Какъ-то везуть гробъ съ позументами и толпа
шагаетъ черезъ «мокрое» и цвѣточки, унавшіе
съ колесницы: спѣшать, трясутся. И я, объѣзжая

на извощикѣ и тоже трясясь, думаль: такъ-то вотъ повезуть Вас. Вас-ча; живо представилось мнѣ мое глуповатое лицо, уже тогда блѣдное (теперь всегда красное) и измученныя губы, и бороденка съ волосенками, такіе жалкіе, и что публика тоже будетъ ужасно «обходить лужи», и ругаться обмочившись, а другой будетъ ужасно тосковать, что нельзя закурить, и вотъ я изъ гроба ужасно ему сочувствую, что «нельзя закурить», и не будь бы отпѣтъ и вообще такой **Официальный** моментъ, когда я «обязанъ лежать», то подсунулъ-бы ему потихоньку папиросу.

Знаю по собственному опыту, что именно на похоронахъ хочется до окаянства курить...

И вотъ, везуть-везуть, долго везуть:—«Ну, прощай, Вас. Вас., плохо, братъ, въ землѣ; и плохо ты, братъ, жилъ: легче бы лежать въ землѣ, если-бы получше жилъ. Съ *неправдой-то*»...

Боже мой: какъ съ *неправдой* умереть.

А я съ *неправдой*.

(14 декаб. 1911).

Да: можетъ быть мы всю жизнь живемъ, чтобы заслужить могилу. Но узнаемъ объ этомъ только подходя къ ней: раньше «и на умъ не приходило».

(14 декаб. 1911).

60 разъ только, въ самомъ счастливомъ случаѣ, я могъ простоять въ Великій Четвертокъ «со свѣчечками» всенощную: какъ-же я могъ хотъ *одинъ* четвергъ пропустить?!!

Боже: да и Пасохъ 60!!! Такъ мало. Только 60 Рождествъ!!! Какъ-же можно изъ этого пропустить хотъ одно?!!

Вотъ основаніе «ходить въ церковь»—и «правильнаго круга жизни», съ родителями, съ женой, съ дѣтьми.

Мнѣ вотъ 54: а я едва-ли былъ 12 разъ «со свѣчечками».

И все поздно: мнѣ уже 56 лѣтъ!

(14 декаб. 1911).

Какъ пусть мой «бунтъ противъ христіанства»: мнѣ надо было хорошо жить, и были даны для это (20 лѣтъ) замѣчательныя условія. Но я все испортилъ своими «сочиненіями». Жалкій «сочинитель», никому въ сущности не нужный,—и по дѣломъ, что не нужный.

(14 декаб. 1911).

Церковь есть единственно поэтическое, единственно глубокое на землѣ. Боже, какое безуміе было, что лѣтъ 11 я дѣлалъ всѣ усилія, чтобы ее разрушить.

И какъ хорошо, что не удалось.

Да чѣмъ была-бы земля безъ церкви? Вдругъ обезсмыслилась-бы и похолодѣла.

Циркъ Чинизелли, Малый театръ, Художественный театръ, «Рѣчь», митингъ и его ораторъ, «можно приволокнуться за актрисой», тотъ умеръ, этотъ родился, и мы всѣ «пьемъ чай»: и могъ я думать, что этого «довольно». Прямо этого я не думалъ, но косвенно думалъ.

(14 декаб. 1911).

Пусть Богъ продлитъ мѣѣ 3-4-5 лѣтъ (и «ей»): зажгу я мою «соборованную свѣчу» и уже не выпущу ее до могилы. Безуміе моя прежняя жизнь; не даромъ «другъ» такъ сопротивлялся сближенію съ декадентами. Пустые люди, безъ значенія; не нужные Россіи. «Слава литераторовъ да вѣетъ надъ нами». Пусть нѣкоторые и талантливые, да это все равно. Все равно съ точки

арѣнія Костромы, Ельца, конкретнаго, жизненнаго. Мое дѣло было быть съ Передольскимъ, Титовымъ, Максимовымъ («Куль хлѣба»); вотъ люди, вотъ русскіе. А «стишки» пройдутъ, даже равьше, чѣмъ, истлѣетъ бумага.

(14 декаб. 1911).

Несите, несите, братцы: что дѣлать—помереть. Сказано: «не жизнь, а жисть». Не трясите очень. Впрочемъ, не смущайгесь, если и тряхнетъ. Жизнь трясло. Покурить бы, да неудобно: официальное положеніе. Покойникъ въ гробу долженъ быть «руки по швамъ». Я всю жизнь «руки по швамъ» (чортъ знаетъ передъ кѣмъ). Закапывайте, пожалуйста, поскорѣе, и убирайтесь къ черту съ вашей официальностью. Непремѣнно въ землѣ скомкаю саванъ и колѣнко выставлю впередъ. Скажутъ:—«Иди на страшный судъ». Я скажу:—«Не пойду». — «Страшно?» — «Ничего не страшно, а просто не хочу идти. Я хочу курить. Дайте адскаго уголька зажечь папироску». — «У васъ Стамболи?» — «Стамболи». — «Здѣсь больше употребляютъ Асмолова. Национальное».

(15 декаб. 1911).

— Ну, а дѣвченокъ не хочешь?

— Нѣтъ.

— Отчего-же?

— Вотъ прославили меня: я и «тамъ» если этимъ дѣломъ и баловался, то въ сущности для «опытовъ». Т. е. наблюдалъ и изучалъ. А чтобы «для своего удовольствія» — то почти и не было.

— Ну, и выводъ?

— Не по департаменту разговоръ. Переимѣните тему.

(16 декаб. 1911).

1½ года полу-живу. Тяжело, печально. Страшно. Нѣсколько мѣсяцевъ не вынималъ монетъ (античн., для поглядѣнья). Только вырабатываю 50--80 р. «недѣльныхъ»: но никакого интереса къ написанному.

(16 декаб. 1911).

Ну, вотъ, --- и онъ дачку себѣ въ Крыму купилъ (Г. С. П.). Когда несчастный Рцы, загнанный

нуждой и болѣзнями дѣтей, пошелъ въ «Россію», онъ, захлебываясь въ славѣ и деньгахъ, зло-
 радно написалъ мнѣ: «*Рцы* — въ «Россіи», и
 оправдалъ Тургеневское изреченіе: «всякій въ
 концѣ концовъ *попадаетъ на свою полочку*». Т.
 е. гдѣ-же *такому гаду, какъ Рцы, и быть*, какъ
 не въ Сыромятниковской «Россіи», правитель-
 ственномъ органѣ. Но вотъ онъ теперь съ
 имѣньемъ на южн. берегу Крыма тоже «попалъ
 на свою полочку».

(16 декаб. 1911).

Печать— Это пулеметъ: изъ котораго стрѣляетъ въ
 идиотическій унтеръ. И сколькихъ Донъ-Нико-
 товъ онъ перестрѣляетъ, пока они доберутся до
 него. Да и вовсе не доберутся *никогда*.

Finis и могила.

(16 декаб. 1911).

«Общественность», кричатъ вездѣ, — «возник-
 новеніе въ литературѣ общественнаго элемента».
 «пробужденіе общественнаго интереса».

Можетъ быть я ничего не понимаю: но когда
 я встрѣчаю человѣка съ «общественнымъ интере-

сомъ», то не то — чтобы скучаю, не то — чтобы враждую съ нимъ: но просто умираю около него. «Весь смокнулъ» и растворился: ни ума, ни воли, ни слова, ни души.

Умеръ.

И пробуждаюсь, открываю глаза, когда догадываюсь или подозреваю, что «общественность» выскочила изъ человѣка (сосѣда, ближняго).

Въ гимназiи, когда «хотѣлась дать въ морду» или обмануть, — тоже хотѣлось безъ «общественности», а просто потому, что печально самому и скверно вокругъ.

И «соціального строя» хотѣлось безъ «общественности», а просто: «тогда мы переѣдемъ на другую улицу» и «я обзаведусь дѣвчонкою» (дѣвчонки всегда хотѣлось, — гимназистомъ).

Отчего же я такъ задыхаюсь, когда говорить объ «общественности»? А вотъ точно говорить о перелетѣ галокъ. «Полетѣли къ сѣверу», «полетѣли къ югу».

— Ахъ, — летите, матушки, куда угодно: мнѣ то какое дѣло.

Или: «люди идутъ къ цѣлямъ»: но я знаю, что всякое «идуть» обусловлено *дорогой*, а не тѣмъ, *кто* «идуть». И вотъ отчего такъ скучны эти галчата.

И потомъ — я не выношу самаго шума. А гдѣ галки — всегда крикъ.

(18 декабря 1911 г.).

Какъ Богъ меня любить, что далъ «ее» мнѣ.

(19 декабря 1911 г.).

Закатывается, закатывается жизнь. И не удержать. И не хочется вадерживать.

Какъ все измѣнилось съ смыслью соотвѣтственно этому положенію.

Какъ теперь не хочется веселья, удовольствій. О, какъ не хочется. Вотъ *часъ*, когда добродѣтель слаще наслажденій. Никогда не думалъ, никогда не предполагалъ.

(21 декабря 1911 г.).

Кончилъ рождественскую статью. «Другъ» заснулъ... Пятый часъ ночи. И въ душѣ—Страстная Пятница...

(23 декабря 1911 г.).

Если кто будетъ говорить мнѣ похвальное слово «надъ раскрытою могилою», то я вылѣзу изъ гроба и дамъ пощечину.

(28 декабря 1911 г.).

Никакой человекъ не достоинъ похвалы. Всякій человекъ достоинъ только жалости.

(29 декабря 1911 г.).

«SYNTAXIS»
PARIS
1980

